

РОБЕРТ

АВТОБИОГРАФИЯ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТА АРМЕНИИ И КАРАБАХА

ЖИЗНЬ И СВОБОДА

КОЧАРЯН

Роберт Кочарян

**Жизнь и свобода.
Автобиография экс-
президента Армении и Карабаха**

«Альпина Диджитал»

2019

Кочарян Р.

Жизнь и свобода. Автобиография экс-президента Армении и Карабаха / Р. Кочарян — «Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-9908-1333-5

Книга бывшего президента Армении и бывшего президента непризнанной Народно-Карабахской республики проливает свет на события одного из самых сложных периодов новейшей истории армянского народа. Перед вами версия организатора и участника важнейших событий в Армении и Карабахе. Эти сведения ранее нигде не публиковались. Здесь вы найдете засекреченные документы, а также исторические фото из личного архива Роберта Кочаряна.

ISBN 978-5-9908-1333-5

© Кочарян Р., 2019
© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Часть II	28
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	50
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Роберт Кочарян

Жизнь и свобода. Автобиография экс-президента Армении и Карабаха

Консультант проекта *Марк Розин*

Редакторы *Василий Подобед* и *Марина Костромина*

© Кочарян Р. С., 2019

© ООО «Интеллектуальная литература», 2019

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха стал одним из первых предвестников распада СССР. Слабеющая центральная власть явно не справлялась с экономическими проблемами, а «перестройка и гласность» катастрофически быстро разрушали систему управления страной. Власть оказалась не способна предложить обществу что-то новое, привлекательное и мобилизующее. Страна, которая опиралась на сверхцентрализацию и была скреплена идеологией, стремительно теряла ориентиры. Несмотря на это, угроза целостности Советского Союза стала реальной и необратимой лишь тогда, когда начался разлом по самому уязвимому месту – по этническому признаку.

В эти драматичные времена я оказался в эпицентре армяно-азербайджанского конфликта и стал одним из главных действующих лиц. Митинги, забастовки, чрезвычайное положение, комендантский час, вооруженные формирования, этнические столкновения, стычки с войсками, война – все эти события впервые в Советском Союзе произошли в Нагорном Карабахе и вокруг него. Жизнь показала, что у нас в Карабахе не было другого выбора: мы отчаянно отстаивали наше право жить на земле своих предков. Будучи партийным работником, я сразу же стал одним из лидеров карабахского движения, занимался как его политической составляющей, так и формированием вооруженного подполья – основы будущей Армии обороны НКР. Лето 1992 года, когда половину Карабаха оккупировали азербайджанские войска, оказалось для нас самым трагическим. Сложилась опаснейшая ситуация, и тогда я предложил модель кризисного управления, адекватную нависшей над нами угрозе потери Карабаха. Взял ответственность на себя, создал и возглавил Государственный комитет обороны – высший орган власти Республики с чрезвычайными полномочиями. Успех был ошеломляющий! За неполные два года нам удалось не только вернуть контроль над всем Карабахом, но и создать вокруг него надежный пояс безопасности.

Сразу после войны меня избрали первым президентом Нагорного Карабаха. Однако в 1997 году случился неожиданный поворот судьбы, и я стал премьером, а затем и Президентом Армении в критический период ее развития. Конфликт с действующим президентом, вызвавший его отставку, внеочередные выборы, потрясший страну теракт в парламенте... Это были чрезвычайно трудные годы как преодоления кризисов, так и созидательной работы и успешных реформ, во многом изменивших облик Армении. За десять лет моего президентства ВВП Армении вырос в пять раз! Мне посчастливилось поработать премьером и президентом в двух странах, признанной и непризнанной, причем в самые насыщенные событиями годы их становления. Так что мне действительно есть о чем рассказать.

Писать книгу я не собирался, хоть и понимал, что моя биография уникальна и может быть интересной. Просто не думал, что когда-нибудь возьмусь рассказывать о своем жизненном пути. Вести дневник у меня привычки не было, в воспоминания погружаться не любил, старые альбомы не листал – словом, в прошлом не застревал. Всегда был занят делами, смотрел вперед и строил планы на будущее. Сразу после ухода в отставку многие уверяли меня в том, что я непременно должен заняться мемуарами, но сам я не ощущал в этом необходимости. Впервые я задумался о книге после двух встреч за пределами Армении, куда был приглашен спикером. Меня приятно удивил и вдохновил живой интерес аудитории к событиям, о которых я рассказывал. Многие участники встречи спрашивали, почему я до сих пор не написал книгу – ведь она получилась бы очень интересной. Но окончательное решение я принял, познакомившись на стратегической сессии АФК «Система» на Алтае с Марком Розиным¹. После интервью, которое Марк брал у меня как у независимого члена совета директоров компании, он

---

¹ Розин, Марк – управляющий партнер «ЭКОПСИ Консалтинг».

заговорил о книге и сказал, что я обязательно должен ее написать. Тогда я подумал, что мне действительно стоит поделиться с людьми историей моей жизни.

Признаюсь, что когда я начал работу над книгой, то сильно пожалел о своем решении. Но отступить было поздно, никогда и ничего в жизни я не оставлял на полпути. Погружение в прошлое, особенно в его карабахский период, стало тяжким испытанием. Многое, казалось, уже безнадежно забыто. Пришлось перечитать все мои старые интервью, посмотреть сохранившиеся видеозаписи, провести множество встреч и бесед с участниками событий тех лет. Поразительно, как откуда-то из глубин памяти вдруг стали всплывать живые картины того, что случилось давным-давно! Даже лица людей, о существовании которых вроде бы позабыл, их имена и связанные с ними переживания! всю жизнь я настойчиво и весьма успешно тренировался контролировать эмоции. Работая над книгой, я заново учился раскрепощать их – и это оказалось лучшим способом высвободить похороненные в недрах памяти образы.

Мне хотелось, чтобы книга получилась интересной, а не просто описывала исторические события, в которых я участвовал. Хотелось показать канву истории и ту нить, которую мы вплели в нее, – рассказать о том, почему мы поступали так или иначе, что нас беспокоило, что нам мешало, а что помогало и вдохновляло. Впервые раскрыть закулисные подробности самых драматичных отрезков нашей новейшей истории.

Вначале я думал написать обо всем, что происходило в те захватывающие годы, а также назвать имена всех, с кем мы прошли тяжелейший путь как в Карабахе, так и в Армении. Но от обилия фактов книга теряла динамику, становилась слишком грузной, академичной и неудобочитаемой. В итоге я решил рассказать только о самых важных событиях, в которых участвовал.

Я благодарен всем, с кем работал, общался и дружил, и приношу извинения тем, чьи имена не прозвучали в книге.

Часть I

Мирная жизнь

Глава 1

Детство

Я родился и вырос в Степанакерте – маленьком городке, центре Нагорного Карабаха, или Арцаха, как его называют у нас. Когда я возвращаюсь мыслями в детство, мне вспоминается уютный, очень чистый, зеленый и ухоженный город, спрятанный в горах от всего мира.

Говорят, что через два года человек забывает многое из того, что с ним случилось, кроме самого хорошего или плохого. Единственная детская трагедия, о которой я помню до сих пор, – смерть нашей собаки: Джульбарса сбил автомобиль. Все остальные воспоминания овеяны сказочной теплотой, и моя память хранит множество ярких и радостных картинок.

Очень хорошо помню, как впервые сам поплыл. Было мне тогда лет шесть. Мы с братом купались в небольшом озере недалеко от дома, сначала я барахтался у берега, а потом, незаметно для себя, забрался глубже, где ноги не доставали до дна. Вдруг чувствую, вода меня подхватывает и держит, я делаю движения руками и – по-собачьи, конечно, – но плыву! Тем же летом научился ездить на двухколесном велосипеде, и это тоже получилось легко, само собой: р-раз – и вот я уже несусь вместе с мальчишками по пыльной дороге. Способность сохранять равновесие и страсть к скорости остались у меня на всю жизнь.

До сих пор помню в деталях первую поездку к Черному морю всей семьей на нашем «москвиче». Ночевали мы в палатках прямо на берегу, в кемпингах. И конечно, самое сильное впечатление – море. После наших горных речек оно казалось таким теплым, что из воды нас было не выгнать. Тогда я и научился неплохо нырять в маске с трубкой.

Жизнь ребятни в те годы проходила на улице. Летом мы просыпались рано, мчались на речку и проводили там весь день: купались, рыбачили, играли. Большинство наших игр сегодня никто не помнит, они давно исчезли. Я очень любил походы и часто, прихватив палатку, уходил в горы – с друзьями или братом. Наше знаменитое Шушинское ущелье я изучил вдоль и поперек – знал все тропинки и укромные места, облазил все пещеры и запросто мог заночевать в горах и без палатки.

Зимой главным развлечением становились коньки и лыжи. Как мы с друзьями радовались снегу! Горных лыж, конечно, тогда еще ни у кого не было, мы брали широкие солдатские, придумывали приспособления, чтобы закрепить пятку, забирались повыше и неслись вниз.

Снега выпадало много, он долго не таял, и все дороги в городе превращались в сплошной каток – соль тогда не сыпали. Городским автобусам, чтобы они не буксовали, на колеса наматывали цепи. Пока автобус, пыхтя, медленно поднимался в верхнюю часть города, мы, мальчишки, надев коньки, цеплялись к нему сзади, а потом скатывались по улицам. Коньки моего детства, «снегурки», сильно отличались от современных: просто два стальных полоза, которые привязывались веревками к обычным ботинкам.

Наша семья жила в каменном доме, который сложил еще мой дед. Я помню, как мы каждое лето красили суриком жестяную красную крышу, чтобы она не ржавела. Несколько раз дом достраивали: изначально внутри была лишь одна комнатка, но со временем он постепенно расширился – появились еще две комнаты, веранда и подвал. До сих пор ясно вижу висящие на стенах старые фотографии – дедушка, бабушка, прадедушка. Мне, ребенку, дом казался громадным. Увидев его через много лет, я удивился: какой он, оказывается, маленький. В войну

дом уцелел, а потом его снесли – не так давно я обнаружил на этом месте стройку. Пропал и сад, который начал сажать еще дед.

Сад был большой радостью и гордостью отца. Выдающийся агроном, он очень любил свое дело. Три громадных тутовых дерева примыкали прямо к дому, и мы, дети, постоянно лазали по ним. И конечно, ели сладкую спелую шелковицу. Взрослые из этих ягод делали сироп. И водку. Я до сих пор если и пью водку, то обычно тутовую.

Мы жили вшестером: родители, бабушка, мой брат Валера, я и наша сестра Ивета, дочь отца от первого брака, тогда уже студентка. После вуза она осталась работать в Армении, а потом и вовсе уехала в Москву, вышла замуж.

У нас с Валерой была своя комната – одна на двоих. При небольшой разнице в возрасте, всего два года, в детстве мы с ним частенько дрались – из-за ерунды, конечно: я, младший, ершился, ни в чем не желая уступать брату. А потом Валера вдруг вырос, стал большим, мощным, повзрослел, почувствовал силу, и в этот момент наши отношения переменялись. Драки закончились, и началась дружба, которая длилась всю жизнь.

Существовали у нас и свои семейные тайны. Одну из них – историю моего отца – я узнал, только уже став взрослым.

Дед с семьей жил в Баку. Когда в 1918 году в Баку вошли турки и начались погромы армян, отец потерялся. Восемилетний мальчик, с толпой убегающих он оказался на пароме и переправился через Каспий в Среднюю Азию. Революция, гражданская война, власти нет, везде беспорядки, но мои дедушка и бабушка с дочерьми выжили и добрались до Карабаха. А отец долго скитался бездомным и в конце концов, неизвестно как, оказался в Ташкенте. И тут ему повезло: его и других таких же, как он, беспризорников, приютил состоятельный армянин. Дети работали на него, а армянин их кормил и даже отправил в школу. В общем, спас детей.

Бабушка все эти годы не теряла надежды найти своего сына. В стране постепенно восстанавливался порядок, начала работать почта. И бабушкин брат, ставший большим человеком в милиции – он руководил подразделением по борьбе с бандитизмом, – сумел разыскать пропавшего шесть лет назад ребенка в Ташкенте и привезти его в Степанакерт. Отцу к этому моменту уже исполнилось четырнадцать. Бабушка стыдилась случившегося: как же она могла потерять сына? – и запрещала отцу рассказывать об этом. Никто и не знал. Хотя, конечно, отголоски этой истории слышались то тут, то там. Например, каждый год к нам в гости приезжал папин близкий друг из Ташкента. «Что за друг? Откуда в Ташкенте друг?» Папа не отвечал, и лишь потом выяснилось, что они в детстве вместе работали у того самого армянина.

Еще одна тайна касалась моего деда.

Я его никогда не видел: он умер до моего рождения. Однажды я совершенно случайно, в деревне, столкнулся с человеком, который сказал, что хорошо знал моего деда, деранца² Саркиса. Я спросил, почему он называет деда «деранц». «Как же! – говорит. – Твой дед был последним священником в нашем районе!» Когда дед вернулся в Карабах, спасаясь от погромов, ему, как знавшему грамоту, предложили стать священником: грамотные тогда встречались редко. Дед согласился и служил до конца 20-х годов, пока не закрыли последнюю церковь. Отец же вырос убежденным коммунистом, но в партию его долго не принимали: происхождение неправильное. Папа очень переживал и даже много лет спустя очень неохотно обсуждал с нами эту тему.

Бабушка по отцу отличалась суровым характером – я не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась. Вдова священника, бабушка не верила в Бога. Мы с братом иногда подшучивали над ней: «Бабушка, а нам в школе сказали, что Бог есть!» Она только отмахивалась и просила нас не говорить ерунды. Хотя бабушка никогда и не наказывала нас с братом, слушались мы ее беспрекословно, видимо ощущая ее внутреннюю силу и жесткость. У бабушки было трое

---

² «Деранц» – в переводе с карабахского наречия армянского языка – человек из семьи священнослужителя.

детей: старший сын – мой отец – и еще две дочери. У одной дочки муж погиб во время Отечественной войны, и она жила вдвоем с сыном в Баку, а младшая со своей семьей – в Степанакерте недалеко от нас. Умерла она рано и внезапно, когда я уже служил в армии, а ровно через год после ее смерти бабушка наглоталась снотворного – хотела наложить на себя руки. Когда бабушку откачали, она объяснила: «Я не должна была пережить свою дочь».

Взрослые в нашей семье никогда не ссорились, голоса на детей не повышали. Мама со свекровью жили мирно. Может, выясняли отношения, когда дети не видели? Думаю, нет: наши будни ничем не омрачались. Дом полностью держался на матери. Волевая, в меру строгая и практичная, она определяла внутренний домашний распорядок, вела семейные расходы и занималась нашим воспитанием. На ней лежала ответственность за все, что касалось учебы детей. Мой старший брат, помню, тяжело вставал по утрам. Я-то просыпался сам еще до будильника, а вот Валеру приходилось долго тормошить. Мама его будит, а брат сонно бормочет: «Ну мам, ну еще минуточку... ну еще секундочку...» Вот тут у мамы могли появиться и жесткие нотки в голосе.

А основным источником моих конфликтов с матерью служили занятия музыкой. Ее дальний племянник хорошо играл на скрипке, и мама мечтала, чтобы я тоже научился музицировать. В первом классе она отправила меня в музыкальную школу, я же страшно стеснялся скрипки и сильно ее возненавидел. Когда шел по улице с футляром, уши горели, хотелось провалиться сквозь землю. Два года я промучился, а на третий нашел решение. Выхожу будто бы на занятия, а сам незаметно, чтобы прохожие не увидели, прячу футляр в самшитовые кусты и бегу гонять с ребятами в футбол. Поиграю, заберу скрипку – и как ни в чем не бывало возвращаюсь домой. Пару месяцев я так прогуливал музыку, пока учительница не позвонила родителям. Тут моя тайна раскрылась, и дома разразился страшный скандал. Мама хотела вернуть меня в школу, но я отказался. Наотрез. Уже научился сопротивляться. Мама уступила, но взялась за брата. Валеру она отдала учиться на фортепиано. Он бросил. Тогда мама упростила его заниматься кларнетом – та же история. В общем, мать не сдавалась, мы тоже, и музыкантов из нас так и не вышло...

И все же главным в семье был отец. Помню, что с работы он приходил поздно и часто ездил в командировки. Отец увлеченно занимался сельским хозяйством и отвечал за него в масштабах всей области; успешное развитие виноградарства в Карабахе – это его заслуга. Кроме того, отец много лет занимал должность заместителя председателя облисполкома и при всей своей невероятной нагрузке успевал вести научную работу. После защиты кандидатской он остался в нашем городе, что было довольно необычно по тем временам: люди, получившие ученую степень, чаще всего уезжали в столицы – в Баку или Ереван. А отец верил, что он нужен здесь, в Нагорном Карабахе. В этих горах он, агроном, создавал город-сад, строил коммунизм, в идеи которого искренне верил всю свою жизнь.

Из-за работы отец не часто мог возиться со мной, но постарался дать мне главное, что, по его мнению, должен уметь мужчина. Помню, как он научил меня водить машину. У нас был старый «москвич», кажется, 403-й модели, с округлыми формами. Мне тогда только исполнилось тринадцать лет, и я был невысоким. Папа посадил меня за руль и говорит: «До педалей достаешь?» – «Достаю». – «Дорогу видишь?» – «Вижу». – «Ну, поехали». И я поехал.

Отец же впервые дал мне в руки ружье – одностволку, шестнадцатый калибр. Сначала мы стреляли по самодельным мишеням, нарисованным на фанере или картоне, а потом отправились на охоту в горы. Помню, как я гордился собой, когда в первый же раз подстрелил куропатку. Вскоре отец разрешил мне самому брать ружье, а потом и вовсе отдал. Ни у кого из мальчишек в нашем дворе своего оружия еще не было. Мы собирались с пацанами и с этим ружьем – одним на всех – шли в горы охотиться.

Учился я в русской школе, и учился хорошо. Неважно, нравился мне предмет или нет, но прийти на урок неподготовленным казалось невыносимым. Я представить себе не мог боль-

шего позора, чем беспомощно стоять у доски, не зная, что ответить. Я вообще был быстрым и дисциплинированным: пришел из школы, сделал в два счета все уроки – и свободен. Математика, физика мне давались легко, любил географию и литературу. Языки шли гораздо хуже, в том числе русский: сочинения я писал хорошие, но ошибки сажал... А единственные два предмета, к которым меня в школе совсем не тянуло, – армянский и английский. И жизнь, как нарочно, заставила меня выучить их уже взрослым. Как я пожалел, став премьер-министром Армении, что часто пропускал уроки армянского! В школе я и не догадывался, что он мне так сильно понадобится: наш карабахский диалект здорово отличается от армянского языка, и в Армении его понимают плохо.

Центром нашей жизни был двор.

Частный дом, в котором мы жили, примыкал к большому многоквартирному, и в его просторном дворе каждый вечер собирались соседи – взрослые, старики, дети. Все хорошо знали друг друга и проводили свободное время вместе как одна большая семья. Помню беседку посреди двора, в которой взрослые беспрерывно сражались в нарды и в шахматы, подтрунивая друг над другом, а мы, дети, носились вокруг. Помню, как в ответ на очередную остроумную шутку кого-нибудь из игроков беседка взрывалась дружным хохотом, и этот хохот, отраженный от стены дома и усиленный эхом, докатывался до самых дальних уголков двора. А поскольку подтрунивали все надо всеми постоянно, то и смех не умолкал ни на минуту. Словом, атмосфера во дворе царил дружелюбная и веселая.

Наш двор считался элитным. В большом доме жили начальник областной милиции, начальник народного контроля и несколько работников обкома партии. Да и в целом народ подобрался интеллигентный: читали книжки, занимались спортом. Рядом находилась школа со спортивной площадкой, и мы играли там в футбол, в баскетбол, в ручной мяч – он тогда пользовался большой популярностью. Бывало, конечно, и так: не поделим что-то во время игры, поссоримся и подеремся, но эти происшествия не разрушали нашу дружбу. Ниже по улице попадались хулиганистые дворы, и иногда ребята оттуда приходили к нам на площадку поиграть в футбол: то дружно играли, то дрались двор на двор. Но серьезных стычек не случалось – просто иногда махали кулаками от избытка сил и азарта.

В общем, детство мое прошло безоблачно и счастливо, как и у большинства карабахцев моего поколения. Наверное, я пристрастен, но я и сейчас уверен, что наш край был особенным. Вокруг – и в Азербайджане, и в Армении, и на всем Кавказе – процветало взяточничество, пользовались авторитетом воры в законе. А Карабах оставался оазисом законности и порядка, слово «взяточник» воспринималось как самое страшное оскорбление, и люди всерьез считали, что строят коммунизм. Видимо, идея о всеобщем равенстве и братстве оказалась созвучна традиционным ценностям, на которых воспитывались многие поколения карабахцев, и мечта об идеальном обществе прижилась на нашей земле. Жители Нагорного Карабаха, добропорядочные советские граждане, искренне верили в светлое будущее.

Так мы и жили – просто и спокойно, и казалось, никакие потрясения не потревожат наш тихий и уединенный край – лишь поколения будут сменяться поколениями.

Глава 2

Московский студент

В десятом классе я точно знал свой следующий шаг: поеду в Москву и буду поступать в технический вуз. Дальше не заглядывал: вся остальная жизнь казалась чистой страницей, на которой можно написать любую историю. Технический вуз я выбрал потому, что естественно-научные дисциплины мне нравились гораздо больше, чем гуманитарные. Москву – потому, что единственным институтом в Степанакерте был педагогический, и я его вообще не рассматривал как вариант. Если ребята из Степанакерта хотели получить хорошее образование, чаще всего они ехали в Ереван или Москву. Уехать учиться в другую страну тогда было невозможно: границы закрыты, лучшее образование в Советском Союзе – в Москве, значит, мой путь лежит в Москву.

Сдав школьные экзамены за десятый класс на отлично, я собрал чемодан и отправился в столицу. В Москве меня встретила сестра – она жила с мужем в Реутове. На время экзаменов я поселился у них. На следующий день поехал подавать документы в Московский энергетический, смотрю – все столбы вокруг института пестрят объявлениями: репетиторы предлагают свои услуги. Оказывается, у москвичей совсем другая подготовка! У нас-то даже и слова такого – «репетитор» – не существовало. Считалось, что достаточно просто хорошо учиться в школе. Стало быть, надо наверстывать! До экзаменов еще оставалось время. Я нашел себе репетитора по математике, договорился о занятиях и с головой погрузился в подготовку. Так что первые две недели жизни в Москве запомнились мне как кошмар круглосуточной учебы.

Вопреки своим опасениям, я неплохо сдал экзамены и поступил на факультет энергетики. Позвонил отцу. Сотовой связи тогда не было – чтобы позвонить в другой город, нужно было идти на почтамт, заказывать звонок, причем заранее говорить телефонистке, на сколько минут разговор, и сидеть ждать соединения. Отец, услышав, что я стал студентом, обрадовался. Несмотря на присущую ему сдержанность, я почувствовал: он гордится тем, что его сын будет учиться в столице.

Только теперь я впервые поднял голову и осмотрелся. Мне уже доводилось бывать в Москве раньше, классе в седьмом или восьмом, но это была совсем короткая поездка, и я тогда мало что запомнил. Теперь же меня, парня из небольшого горного городка, Москва впечатлила по-настоящему: иные масштабы, атмосфера, метро с его подземными дворцами, совершенно другой народ. Потерянным я себя не ощущал – радовался, гордился, наслаждался летом, целыми днями бродил по городу, впитывая дух столицы.

С осени начались занятия в институте. Учиться оказалось легче, чем я ожидал, но и не так уж увлекательно. Может быть, потому, что в моей жизни появился очень интересный и образованный человек, настоящая живая энциклопедия – муж моей сестры Ким Григорян. Человека такой эрудиции я никогда не встречал прежде – да, наверное, и до сих пор. Ким тоже был родом из Степанакерта, окончил текстильный институт в Москве. Возглавлял конструкторское бюро на каком-то большом заводе. Я поселился в студенческом общежитии в Лефортово, но почти все выходные проводил в Реутове, у Кима и моей сестры. Именно в этой маленькой квартирке и началось мое неформальное образование.

Вечера мы с Кимом просиживали на кухне. Он говорил непривычные вещи. Я вырос в семье, где справедливость и эффективность советского строя никогда не подвергались сомнению. Обычный советский мальчик, сын коммуниста, я считал, что живу в лучшей стране в мире. И вот день за днем, вечер за вечером Ким показывал мне реальность. Я узнал про репрессии Сталина, узнал про миллионы людей, умерших от голода во время коллективизации, узнал про арестованных перед самой войной красных командиров, узнал о тайном сговоре Сталина и Гитлера, решивших разделить Европу.

Ким не был деятельным диссидентом – он просто очень трезво мыслил и бескомпромиссно критиковал существующий строй. Мало кто в Союзе тогда понимал, каким страшным на самом деле был режим Сталина и каким затхлым – брежневское время. Во мне Ким нашел благодарного и, вероятно, редкого слушателя и обрушивал всю эту правду на меня. А глубоко ночью, устав от долгих разговоров, мы вместе ловили сквозь шум глушилок «Радио “Свобода”» или слушали джаз.

С собой Ким давал мне книги. Не самиздат, а политическую, философскую, богословскую литературу – но она тоже меняла сознание.

Началось с «Богословско-политического трактата» Спинозы. Никогда прежде я не читал ничего подобного. Было очень сложно, но безумно интересно. После этой книги мир раскрылся передо мной по-новому, я поверил, что только общественный договор, основанный на разуме и добровольно принятый людьми, способен обуздать страсти и пороки отдельного человека. С советской действительностью подобные идеи не имели ничего общего, но тогда я и не пытался увязывать их между собой, а просто впитывал в себя. Хотя, возможно, десятилетия спустя, когда уже стал президентом постсоветской Армении, на многие из моих решений исподволь повлияла эта, написанная в XVII веке, книга, которую я прочел в 17 лет.

Однажды Ким подарил мне Библию. Это была маленькая карманная книга в гибкой обложке, которая содержала тысячу страниц – само по себе уже маленькое чудо. Прочитал я ее бегло, не до конца понимая, зачем мне это. Верующим, конечно же, не стал, но тот идеологический каркас, который тогда встраивали в каждого из нас, пошатнулся: Библия выглядела человечнее морального кодекса строителя коммунизма, висевшего в коридорах каждой школы как наглядная агитация.

Хотя беседы с Кимом и книги стали для меня в тот год мощным потрясением, я не превратился в философа или диссидента. К учебе, правда, охладел – технические дисциплины не давали ответа на философские вопросы, а такие вопросы приходили мне в голову все чаще. У меня появилось ощущение, что, может быть, я неправильно выбрал вуз, но продолжал заниматься и неплохо сдал первую зимнюю сессию. И еще успевал при этом жить полноценной студенческой жизнью – у меня появились друзья, мы вместе гуляли по Москве, ходили в кино, в кафе – развлечений и соблазнов, отвлекающих от учебы, в столице хватало. Среди студентов почему-то очень популярна была «Метелица» на Калининском (теперь это Новый Арбат) – набеги туда считались высшим шиком. По субботам заглядывали на дискотеку в нашем общежитии. Одна из дискотек стала поворотной точкой в моей студенческой жизни.

Как-то в конце мая, прямо перед сессией, на дискотеке появился незнакомый нагловатый парень. Вел он себя вызывающе – полагал, что вправе делать что угодно, и явно напрашивался на конфликт. Я вспылал. Друзья пытались меня остановить, говорили, что он чей-то сынок – мол, не связывайся лучше, отойди... Я не отошел, и дело кончилось дракой. Я его ударил, и, как оказалось, сильно. Ничего не повредил, не сломал, но фонарь под глазом поставил большой. Сам я этой истории особого значения не придал: подумаешь, всякое бывает – помахаетесь, потом остынешь, и даже подружиться можно.

Через день меня вызвали в деканат. Потребовали написать объяснительную, грозили отчислением. Я неумело оправдывался: «Он сам лез...» Оказалось, что этот парень – родственник кого-то из институтского начальства, поэтому инцидент на дискотеке внезапно стал предметом чрезмерного внимания. Сразу меня не исключили, пожалуй, только потому, что уж слишком очевидна была вина этого парня: он был изрядно выпившим и сам спровоцировал драку. Но история тянулась, в деканат мне приходилось ходить снова и снова, отношения с руководством факультета сильно испортились, и мой интерес к учебе, и без того слабый, на этом фоне угас вовсе. Родителям рассказать об этом происшествии я не мог категорически, с сестрой и Кимом тоже почему-то не поделился.

В конце концов я сказал декану, что переведусь в другой институт, и попросил дать мне возможность уйти по собственному желанию. На этом и договорились.

Снова настало лето, еще один июнь. Год назад я приехал в Москву, сдал экзамены, увидел себя в списке зачисленных и позвонил отцу сказать, что стал студентом. Отец так гордился своим сыном... Теперь я держу в руках документы об отчислении. Сам уход из института меня не особо расстроил, но мне было невыносимо стыдно перед отцом, и я долго откладывал разговор с ним. Я понимал, что для него эта новость станет настоящей трагедией.

Но дальше тянуть было некуда, и я пошел на почтамт.

Протягиваю девушке бумажку с нашим домашним номером телефона, сажусь и жду соединения. Время ползло невыносимо. Минуты казались часами. И вот, наконец, далеко в трубке, через помехи и треск я слышу радостный голос отца – сын звонит!

– Папа, я ушел из института.

Отец ошеломлен неожиданной новостью.

– Почему? Что случилось?

Я мучительно пытаюсь подобрать ответ: про конфликт рассказать не могу, а в то, что я не справился с учебой, отец не поверит – я всегда был отличником.

– Не сложилось. Не хочу больше учиться. Пойду в армию.

Отец молчит. Он не знает, что сказать.

– Поеду в Харьков.

В Харькове жили родные братья матери. Домой я ехать не мог – не знал, как посмотреть отцу в глаза.

Месяц я проболтался в Харькове и вернулся в Степанакерт. Я видел, что отец расстроен, но расспрашивать меня он ни о чем не стал. Я тоже всячески избегал разговоров о прерванной учебе.

Устроился слесарем-сборщиком на электротехнический завод. Пять дней работал, а на выходные с друзьями уходил в горы, часто с ружьем. Наступившая осень, невероятно живописная в Карабахе, раскрашивала горы разноцветьем ярких красок. Иногда даже охотиться не хотелось, чтобы не нарушать царящие здесь мир и тишину, и я просто бродил по горным тропам. Московское студенчество отступало все дальше в прошлое и потихоньку забывалось.

Глава 3

Армия

Никаких планов на будущее я не строил, ждал призыва в армию. У всех моих друзей была повестка на 9 ноября, и я хотел призываться с ними – в надежде, что мы попадем служить вместе. Но обо мне в военкомате забыли: я ведь уезжал на учебу, и, видимо, мои учетные документы где-то задержались. Пришлось просить отца помочь. Отец позвонил военному, которого хорошо знал: так мол и так, сын срочно, прямо сейчас, хочет служить. Военком страшно удивился, говорит: «Вы первый человек, кто мне звонит для того, чтобы сына поскорее в армию взяли! Обычно просят не забирать или призвать попозже!» Просьбу отца он выполнил, и сразу после ноябрьских праздников я ушел в армию.

Попал я в железнодорожные войска, о существовании которых раньше даже не подозревал. Решил, что, наверное, мы будем разъезжать из конца в конец страны по железной дороге, выполняя военные задачи. А оказалось, что нам предстоит строить эти самые железные дороги, по которым разъезжать будут другие. Отличие от стройбата заключалось лишь в том, что в железнодорожных войсках за работу ничего не платят... Романтика армейской службы исчезла сразу же.

Сначала была учебка в Череповце. Город запомнился мне только трубами металлургического комбината. До горизонта – сплошные трубы, трубы, трубы, и каждая дымит своим цветом, от оранжевого до черного. Пошел снег – и на следующий день он весь разноцветный, раскрашенный сажей из этих труб. В учебке собрались группы из разных республик, разных регионов страны; нас, карабахцев, там оказалось человек десять, и среди них – никого из моих друзей.

Учебка – это явление особенное. Множество парней одного призыва попадает в непривычные условия, где они должны понять и прочувствовать, что такое воинская служба. Отчасти это понимание происходит через процесс притирки и выстраивания внутренней неформальной иерархии, а именно: кто будет спать на нижнем и кто на верхнем уровне двухъярусной кровати или кто из напарников будет в наряде отвечать за чистоту туалетов. Туалеты чистить мне совсем не хотелось.

Именно здесь я глубоко осознал суть «естественного права» из «Политического трактата» Спинозы. Единственным инструментом самоутверждения стали кулаки и постоянная готовность их применить. Я был в хорошей форме, годы занятия вольной борьбой оказались очень кстати, а воли и духа хватало через край. Непонятно откуда появились дерзость и агрессия, которых я в себе никогда не замечал. Очень скоро меня все стали уважать. Парень, выросший в интеллигентной семье, в спокойном городе, в элитном дворе, вдруг оказался в обстановке, где за место под солнцем надо бороться жестко и беспощадно. Я столкнулся с той частью реального мира, от которого был защищен в детстве и юности, и этот период стал очень важным этапом моего становления. Я приобретал навыки поведения в недружелюбной, а порой и чрезвычайно агрессивной среде. Возможно, без них я не прошел бы те испытания, которые судьба мне уготовила в будущем.

Из учебки меня направили сначала в Пушкино под Ленинградом, затем в Вологду. Везде была одна и та же история: притирка и самоутверждение, но проходили они уже гораздо проще.

Вообще такую службу в армии трудно назвать воинской: на стрельбище я побывал всего раз, отстрелял девять патронов, а боевой техники за все годы и в глаза не видел – только тракторы и самосвалы. В Ленинграде два месяца я и вовсе жил вольной жизнью. Первый месяц мы втроем работали в мастерских Минобороны по ремонту прицепов. Жили там же в мастерских, работали много, но были абсолютно свободны по вечерам. Тогда я весь Ленинград объездил в спортивном костюме. Никаких начальников над нами не было, только пенсионер-охранник.

Еще месяц провел под Выборгом в военном совхозе, где мы – восемь солдат – помогали на сельхозработках, зарабатывая картошку и овощи для нашей части. Жили в местном клубе, я был за старшего: ни устава, ни строевого шага. Здесь, как и в Пушкине, мы напряженно трудились весь день, зато вечерами ходили на танцы, где пользовались большим успехом у местных девиц.

Последний год я служил в Монголии: в Дархане и Эрдэнэте. Служба там сильно отличалась от того, что я видел в стационарных войсковых частях. Когда понадобилось построить железную дорогу из Дархана в Эрдэнэт, к молибденовым месторождениям в Монголии, начальство распорядилось сформировать специальный новый батальон для выполнения этой задачи. Каждая воинская часть железнодорожных войск должна была направить несколько человек из своего личного состава, по квотам, на формирование этого батальона.

Командиры подразделений, чтобы избавиться от своих «траблмейкеров»³ – тех солдат, которые создавали им постоянные проблемы, – написали им хорошие характеристики и сослали в новый батальон. Я тогда служил в Вологде и сам напросился в этот батальон из-за друга, которого туда включили первым номером. Коля, парень из Брянска, был большой головной болью комбата. Хулиганистый до невозможности, завсегдагай гауптвахты, притом начитанный и толковый, он достал все начальство своими очень грамотными письмами-жалобами в разные инстанции. Писал он их постоянно, и после каждой жалобы в часть приезжала какая-нибудь комиссия с проверкой. Командир части, конечно, был в ярости.

Помню, как после очередной проверки на утреннем разводе командир, весь багровый от злости, орал перед строем: «Тут в стенгазету заметку написать некому! А этот х... – целое письмо накатал, причем аж самому министру!» Думаю, наш командир больше всех обрадовался строительству важной железной дороги в братской Монголии.

И вот нас, этот новый батальон, загрузили в плацкартный состав, и десять дней мы добирались до места назначения. Представьте себе поезд, в который собрали самых строптивых, пьющих, буйных, и никто не знает, кто на что способен, кто «салага», кто «дед», а впереди – десять дней пути. Притирка началась сразу же, на этот раз под стук колес движущегося железнодорожного состава. Своего нового комвзвода за всю дорогу мы видели лишь дважды: при посадке и в день приезда, уже с большим фонарем под глазом. Где он его заработал – не знаю, но было видно, что комвзвода не просыхал всю дорогу. Оказалось, что офицеров и прапорщиков отбирали почти так же, как солдат: тех, от кого начальство хотело избавиться. Правда, командиром и замполитом батальона поставили сильных офицеров, но им пришлось приложить немало усилий, чтобы сделать этот бедлам управляемым.

На место дислокации мы прибыли ночью. Вокруг голая степь, и нам предстоит в ней обустроиться. Разбили палатки. Все пришлось начинать с нуля: и работы самим организовывать, и технику подгонять, и быт налаживать. За много километров во все стороны – никаких населенных пунктов, можно три часа по степи на машине колесить, максимум, что встретишь, – пару юрт или стадо скота, больше ничего.

В этих непростых и очень специфичных условиях жизни и работы у нас в батальоне складывались совершенно иные, нежели в обычной, стационарной войсковой части, отношения. Система поощрений и наказаний не работала. Гауптвахта – далеко, в Улан-Баторе, в увольнение ходить некуда, вокруг – дикая природа. Весь досуг – турник, брусья, поднятие тяжестей и боксерские перчатки. Для офицеров в поле стоял бильярдный стол, но лишь до тех пор, пока во время песчаной бури смерч не поднял его метров на пятьдесят и не грохнул о землю так, что тот весь рассыпался.

Внутренние вопросы обычно решались не по уставу. Наша троица друзей – Гена из Риги, Коля из Брянска и я – оказались на вершине внутренней солдатской иерархии, хотя все мы были рядовыми. С офицерским составом мы поладили, наше подразделение выполняло свои

---

³ Troublemaker – смутьян, нарушитель спокойствия (англ.).

задачи с опережением. Но требовать классических уставных отношений, какие выстраиваются, например, в Москве или в Германии, где есть хорошие казармы, нормальные бытовые условия, баня, четкий распорядок дня, нормальная еда, у нас было невозможно.

Казарм у нас не было вообще – мы жили в палатках.

Трижды наша войсковая часть перемещалась по мере продвижения строительства железнодорожного полотна, чтобы быть ближе к строящимся участкам. Каждый раз приходилось обустриваться заново. Места были удивительно красивые. Очень своеобразные пейзажи, непривычные для моего глаза: пологие горы, словно растянутые по степи, подчеркивали необъятность просторов нетронутой природы. Климат в тех краях резко континентальный, суровый: зимой до минус тридцати пяти, летом под сорок, в мае – ночью минус три, днем плюс двадцать семь. А мы – в палатках по тридцать человек, с печкой и длинной трубой, где зимой на нижней кровати холодно, на верхней жарко и все старослужащие – на втором ярусе. Летом мясо до нас не доходило, портилось по дороге, холодильников в степи не было. Чтобы не сидеть все лето на консервах, комбат позволил создать бригаду рыбаков, куда я попал из-за моих охотничьих навыков. Ночами мы ловили налимов на реках Орхон и Селенга на всю войсковую часть, а днем отсыпались. Иногда стреляли антилоп, гоня их ночью по степи на машинах ГАЗ-66, хотя это и не очень поощрялось. Так прошло все лето.

Армия стала для меня хорошей школой, благодаря которой я приобрел бесценный жизненный опыт и серьезную закалку.

После службы отношения с армейскими друзьями продолжались недолго. Наши пути разошлись, а общение на расстоянии в те времена, без соцсетей и сотовой связи, требовало немалых усилий.

Глава 4

Черета перемен

Лимитчик

Из армии я демобилизовался в конце декабря, под Новый год, и как раз успел домой к празднику. К этому времени и все мои сверстники, отслужив, уже вернулись в Степанакерт – друзья, одноклассники, знакомые, бывшие соседи по двору. Почти каждый день звонки: «О, ты тоже уже здесь? Надо увидеться!» Каждый день встречи – то с одним, то с другим, со всеми хотелось пообщаться. На одной из таких встреч я впервые в жизни перепил. К счастью, понял это, уже оказавшись дома.

Полтора месяца пролетели мгновенно.

Когда дембельское настроение постепенно утихло, я задумался, что делать дальше. Первым делом решил попытаться устроить свою жизнь в Москве. Поехал в столицу, поселился у сестры в Реутове. Пришел в МЭИ и увидел, что там ничего не изменилось, восстановление мне не светит. Махнул на институт рукой и начал искать работу. Приехавших, как и я, в столицу (их тогда называли странным словом «лимитчики» или, пренебрежительно, «лимитá»), заманивая перспективой московской прописки, активно приглашали на стройки, в «Метрострой», на заводы – в те места, куда москвичи шли неохотно. Москва активно строилась, и постоянно требовались рабочие руки. Газеты пестрели объявлениями: «требуются-требуются-требуются».

Вскоре я устроился рабочим в филиал ЖБК-11 недалеко от станции «Серп и Молот». Я понятия не имел, что такое ЖБК – выбор пал на него случайно. Мне хотелось пойти на стройку, но сестра дотошно изучила все объявления и отыскала предприятие, которое, по московским меркам, находилось недалеко от ее дома. К тому же от комбината давали место в хорошем рабочем общежитии квартирного типа, в недавно построенной высотке, и это обстоятельство стало решающим фактором.

Так я начал работать бетонщиком. Если меня спрашивают про этот период, я в шутку отвечаю, что благодаря ему получил большой опыт общения с рабочим классом Москвы и обрел навыки проживания в рабочем общежитии, где требовалась изрядная воля, чтобы не напиваться по воскресным дням, как все. Хотя в остальном мои соседи были хорошими людьми.

Мы делали бетонные колонны для строительства высотных домов. Это трудоемкий процесс: сначала в специальную форму устанавливали арматурный каркас будущей конструкции, ставили на вибратор и заливали бетоном. Затем крановщик перемещал эти заготовки в сушильные камеры. Камеры закрывались, и заготовки просушивались там всю ночь. На следующий день колонны освобождали от форм. Готовые изделия еще пару дней отлеживались и только после этого отправлялись на стройки.

Работа была довольно тяжелой физически, но я, спортивный и крепкий парень, с нагрузкой справлялся. К тому же она неплохо оплачивалась: рублей двести чистыми в месяц, что в те годы считалось достойной зарплатой. Мне одному, без семьи, этих денег вполне хватало на жизнь, а страсти к накопительству я никогда не имел.

Наше общежитие в Новогиреево оказалось всего лишь в одной остановке электрички от Реутова, где жили моя сестра с мужем, так что судьба способствовала продолжению общения с Кимом. Спортом в тот год я вообще не занимался – моя работа вполне его заменяла. Да и негде было заниматься: какой спорт в начале 70-х в рабочем общежитии?

Так незаметно, не оставив в памяти никаких особенных событий, прошел год. В основном я работал, а в свободное время занимался самообразованием, много читал. Впрочем, читал я много всегда, с самого детства, за исключением разве что армейского периода. В Монголии библиотека не радовала разнообразием, однако и там я перечитал все, заслуживающее хоть мало-мальского внимания, притом что армейская жизнь, конечно, не особо настраивает на чтение. Как и тюрьма. Уже во времена карабахского конфликта один из активистов, Мурад Петросян, просидевший в тюрьме лет десять, все время цитировал Ленина. Я его как-то спросил: «Слушай, с твоей-то биографией – и вдруг цитируешь классиков марксизма?» А он ответил, что выучил Ленина наизусть, поскольку в тюремной библиотеке просто больше нечего было читать.

Меня все сильнее увлекала философия. Я запоем читал первоисточники, а если и брал в руки художественную литературу, то только авторов вроде Анатоля Франса, у которого философия искусно вплетена в ткань повествования. Прочитанное мы подолгу обсуждали с Кимом. Сейчас, вспоминая тот период, я себе удивляюсь: как я смог все это прочитать? Как осилил скучных авторов, например Фрэнсиса Бэкона? Но тогда – тогда я читал их безостановочно, с азартом, в захлеб. Кого я только ни прочел – все, что издавалось, все, что можно было достать!

Очень понравился Ламетри. Может быть, он не столь глубок, но у него очень интересный язык. Ну и, конечно, читал классиков: Руссо, Монтеня, Гегеля, Канта, Ницше в самиздате. У Гегеля понравилось самое раннее его произведение «Жизнь Иисуса и его судьба», оно читается легко. Все остальное – просто кошмар! У него одно предложение на полстраницы, с причастными и деепричастными оборотами, и каждое предложение надо перечитывать, чтобы понять его смысл, который часто весьма прост. «Философию религии» Гегеля осилил, но когда попытался прочесть «Философию права», то завяз в самом начале – может, из-за языка. Немецкие философы мне запомнились своим тяжелым слогом, словно они сознательно усложняли язык, чтобы подчеркнуть научность своих взглядов. Возможно, чрезмерная лаконичность моей устной речи – это реакция на страдания от чтения Гегеля.

Шучу, конечно.

Многое из прочитанного тогда быстро забывалось. Я читал философию для удовольствия, а не изучал ее. Но уверен, что потратил время не зря: эти занятия стали хорошей тренировкой ума и повлияли на мою личность. Я испытывал сильнейшую потребность развиваться интеллектуально, постоянно усваивать что-то новое. Возможно, столь интенсивным самообразованием я компенсировал свою тягу к знаниям, пока не учился в вузе.

Друзей в Москве я завел немного. В рабочем коллективе дружбы ни с кем не получилось, да и не могло получиться. Неплохие ребята, почти все они любили выпить: дождавшись получки, тут же бежали или в пивную, или в магазин за бутылкой. Такой образ жизни не имел ничего общего с моими привычками и представлениями о жизни. Зато я познакомился и легко сдружился с парнем из соседнего дома. Звали его Давид Воронов. Умный, интеллигентный, намного старше меня, он уже успел жениться и развестись с женой. Страстный собачник и не менее страстный филателист, Давид постоянно выменивал, продавал, покупал марки – фарцевал, как тогда говорили. Занятие это считалось полуправильным, за фарцовку можно было попасть в тюрьму. Давид и меня пытался приобщить к этой деятельности, и я даже начал немного разбираться в марках, но дальше простого любопытства дело не пошло: к торговле меня совершенно не тянуло.

С Давидом и еще одним парнем, Валерой, я и проводил свободное время. Какие развлечения тогда были доступны? Почти никаких: поход в кафе или на дискотеку по выходным. Летом выбирались за город – за грибами, или купаться, или просто побродить по лесу – иногда с друзьями, иногда с родственниками, с Кимом. Ездили, конечно, на электричке, машин тогда ни у кого из нас не было. Благодаря этим поездкам я для себя открыл невероятно красивые места в Подмосковье, особенно по Горьковскому направлению. Несколько раз ко мне приез-

жали в гости друзья из Степанакерта, наведалься армейский друг, который жил в Риге, я тоже съездил как-то к нему – вот и все выходящие за рамки привычного течения жизни события за тот год.

Через год я решил, что пора возвращаться домой, в Степанакерт. Не хотел задерживаться на работе, которая мне не нравилась, жить в среде, которая меня совсем не привлекала, и заполнять свою жизнь монотонной и оупляющей рутинной, не сулящей никакой перспективы. С завода меня отпускали неохотно: видимо, был на хорошем счету – я действительно неплохо работал. И вообще всегда серьезно относился ко всему, что делаю, будь то учеба, работа или тренировки. Директор филиала пригласил меня к себе, попытался уговорить: «Знаешь, мы тебя можем на другую работу перевести, сварщиком, там полегче и перспективы есть для роста». Но я отказался: «Да нет, я ухожу не из-за того, что мне тяжело. Просто – ну не мое это!»

Встряска

Родители, конечно, обрадовались моему возвращению, но я понимал, что не оправдываю их ожиданий. Они не представляли, что их дети могут не получить высшего образования, для родителей оно являлось чем-то неслучайным, обязательным. Когда-то в детстве мать с трудом смирилась с мыслью, что мы с братом не стали учиться музыке, но что сын не окончит институт – это было невообразимо. Впрочем, я прямо сказал им, что сейчас не готов к учебе, и они не стали меня допекать. Хотя это и огорчило отца, он не сказал ни слова: давно уже понял, что бессмысленно мне что-то навязывать.

А пока... пока я наконец-то дома. После хаотичной и нервной Москвы, где заметную часть жизни съедает общественный транспорт, – все свое, знакомое, родное, спокойное, а главное – все рядом. Семья, близкие с детства старые друзья. Устроился на работу электриком на Шелковый комбинат, крупнейшее предприятие в Карабахе. Жил, как все парни моего возраста: активно занимался спортом, который всегда любил, по-прежнему много читал, общался с друзьями. У нас сложилась отличная компания – Юра, мой школьный друг, с которым мы сидели за одной партой с первого класса, Альберт – умница и интеллект, одноклассник моего брата и я. Нам было интересно и весело вместе, мы постоянно придумывали себе занятия, почти все выходные проводили на природе. Я часто ходил на охоту, но уже с другой компанией или с братом. Охотиться я всегда любил и хорошо знал наши горы еще с раннего детства.

Кажется, это был самый спокойный и счастливый период моей жизни. Ведь счастье – это когда просто живешь в согласии с самим собой, а не копаешься в себе в поисках предназначения и смысла жизни. Как человек не задумывается о своих внутренних органах, пока они не напоминают о себе болью, так и с душевным равновесием: когда оно есть, ты не анализируешь его причины.

Незаметно пролетели три года.

Мысли об институте у меня периодически возникали, но не задерживались надолго – они плохо сочетались с моей насыщенной и приятной жизнью. Я постоянно был занят: то мы с друзьями едем на охоту на пару дней, то еще что-нибудь придумываем, и я не мог заставить себя переключиться на другие задачи. «Надо все-таки ехать поступать в институт... Надо. Поеду, но не сейчас, попозже. Непременно...»

И вот однажды – помню, это было весной – приходит повестка из военкомата. Требуют завтра явиться, какие-то сборы. Меня это насторожило. Звоню своему знакомому, работающему в военкомате, спрашиваю: что за сборы? Он говорит: а, это в Казахстан народ собирают, то ли сажать, то ли собирать урожай, то ли еще что. В общем, «на целину» – так это тогда называлось. «Надолго?» – спрашиваю. «Месяца на три-четыре». Ого! На лето я запланировал Черное море, а не Казахстан. Поднимать целину мне категорически не хотелось, да и вообще – какая целина? Опять степь? Я уже честно отслужил свое в монгольских степях!

Все учебники у меня дома лежали наготове – ведь я все время собирался приступить к занятиям, да все некогда было. Раз за разом откладывал – думал, что успею. А тут...

В общем, в военкомат я не пошел. За один день уволился с работы, собрал вещи, побросал в чемодан все нужные книги. Позвонил брату (он тогда в Грузии служил, недалеко от Цхалтубо): «Привет, – говорю. – Ну, все: я решил поступать! Еду к тебе с учебниками, готовиться буду». А его как раз в командировку куда-то посылали, и он отвечает: «Меня не будет здесь почти месяц, приезжай, живи». На следующий день я уже был в Грузии. Служебная квартира брата располагалась в уединенном и очень живописном месте. Приехал – ничего и никого вокруг не знаю, ни единого человека, с собой только чемодан книг, и у меня – месяц на подготовку к вступительным экзаменам.

Как я там занимался! С какой страстью! Просто невероятно. Я и не думал, что так мобилизуюсь. Уже через несколько дней я настолько втянулся в процесс подготовки, что целыми днями сидел за учебниками, отрываясь только на жизненно необходимое – сон и еду. И даже сны мне снились математические. Обстановка идеально подходила для такого погружения: вокруг никого, только войсковая часть, тюрьма и чайные плантации, где зеки собирали под конвоем чай. Неподдалеку от дома протекала речка, и в ней я ловил себе рыбу. На маленьком мотоцикле брата ездил за продуктами, сам готовил. Так прошел месяц. Через месяц я знал, что готов сдавать экзамены в любой технический институт. Приехать – и поступить.

Я выбрал Ереванский политехнический. Сразу же из Грузии, не заезжая в Степанакерт, отправился в Ереван и подал документы на электротехнический факультет. Мне предстояло два экзамена по математике: письменный и устный. На самом деле вступительных экзаменов было четыре, еще сочинение и физика, но в те годы средний балл аттестата выше 4,5 давал право сдавать только два из них. Для поступления требовалось набрать не меньше девяти баллов в сумме.

Первым экзаменом шел письменный. Я был абсолютно уверен в себе, легко и быстро все решил, написал и ушел; и вдруг получаю за него четверку! Обидно, сделал дурацкую ошибку просто по невнимательности, поспешил и не перепроверил. Значит, теперь за устный я должен получить пять. Прихожу на экзамен, отвечаю все по вытянутому билету и сразу же говорю экзаменатору: «Мне нужна только пятерка». – «Почему?» – спрашивает. Я объясняю: «У меня высокий средний балл, я рассчитывал сдавать два экзамена. А следующий – физика, и к физике я не готовился». На самом деле готовился, конечно, но мало. «Задавайте любые вопросы, гоняйте по всему материалу, но мне нужна пятерка». Он написал пять задач и сказал: «Если их решишь – будет тебе пятерка». Я сел и легко минут за двадцать решил все задачи. Раз-раз-раз... Экзаменатор пробежался взглядом и говорит: «Молодец, пять».

И я поступил.

А все эта повестка... До сих пор помню фамилию нашего военкома – Курочкин. Я благодарен этому Курочкину, что он вовремя вытолкнул меня из привычной колеи. Так бывает иногда в жизни: происходит неприятное событие, которое вроде бы не сулит ничего хорошего. А потом оказывается, что оно тебя встряхивает, заводит и настраивает на решительные действия. Вызов в военкомат меня отрезвил. До меня дошло: пора менять свою жизнь.

Снова студент

Ереван я почти не знал. Как ни странно, я, армянин, за всю свою жизнь до учебы приезжал туда лишь дважды. Видимо, потому, что родственников в Ереване у меня было мало. Из всей нашей семьи там жил только брат бабушки по отцу, очень обаятельный, невероятно скромный отставной полковник. Как-то раз, уже будучи студентом, я решил его навестить. Дед болел и считал, что жить ему осталось недолго. Когда я пришел, он лежал в постели и перебирал корбочки с медалями. Я удивился, говорю: «Что это?» Стал их рассматривать: орден Боевого

Красного Знамени, орден Ленина, очень редкая медаль «За Халхин-Гол»⁴, дореволюционные награды и даже наградной крест, еще с царских времен, «Участнику парада в Одессе» – единственного парада с участием царя. Остальные награды я не запомнил, но их было очень много. В отдельной коробочке лежал пистолет, очень красивый маленький «вальтер» с наградной надписью: «Майору Карапетяну от наркома обороны Клима Ворошилова». Я и не подозревал, что мой дед – участник всех войн, от Первой мировой до Великой Отечественной! Оказывается, я вообще ничего о нем не знал. В 20-е годы он был первым связистом в Армении. И все это выяснилось случайно – только потому, что я зашел его навестить в тот день.

Учился я хорошо, относился к учебе гораздо серьезнее, чем в ранней юности. С учетом моих оценок и службы в армии деканат назначил меня старостой группы. Обеспечивал я себя сам: как отличнику, мне полагалась повышенная стипендия, а кроме того, я подрабатывал в лаборатории нашей кафедры. Вскоре нашел дополнительный заработок: устроился охранником в музей резьбы по дереву. Попал я туда случайно благодаря моему товарищу – он там работал и помог мне устроиться его сменщиком.

Музей оказался очень интересным местом, своего рода богемным клубом, где регулярно собиралась творческая интеллигенция пообщаться за чашкой кофе. Я познакомился там с массой интересных и обаятельных людей. Вечерами иногда прямо в музее мы устраивали застолья, о которых директор, Генрих Солахян, ничего не знал. Пару раз сделали шашлык на мангале – музейном экспонате. Однажды забыли его почистить от копоти и попались, когда директор случайно об него измазался. Конечно, он поскандалил, но увольнять нас не стал. После этого происшествия мы купили простой мангал, и директор с удовольствием присоединялся к нам вечерами.

Работа в музее идеально подходила студенту, предоставляя и общение, и доход, и все условия для занятий. Вопрос самостоятельного заработка стоял остро: когда я учился на первом курсе, в декабре внезапно умер отец: инфаркт. Хотя никогда не жаловался на сердце, был в хорошей физической форме и даже почти не болел. Отца я очень любил и безгранично уважал. Его доброе имя еще очень долго потом помогало мне устраивать свою жизнь: отношение к отцу переносилось на сыновей, а это в маленьком Карабахе, где все знают друг друга, большая ценность. Хорошо, что он успел порадоваться моему поступлению...

Назад в Карабах

Я окончил третий курс электромеханического факультета ЕрПИ без единой четверки и неожиданно для всех перевелся на заочное отделение. Сдал экстерном экзамены, перешел на курс выше и уехал в Степанакерт. Заведующий кафедрой, декан, некоторые из преподавателей уговаривали меня не делать этого. Они не могли понять, почему студент, имеющий хорошие шансы остаться на кафедре, продолжить учебу в аспирантуре, вдруг все это бросает и уезжает в Карабах. Они ожидали услышать от меня какую-то вескую причину. Но никакой особой причины не существовало. Скорее, был целый набор факторов, подтолкнувших меня к этому осознанному и рациональному решению. Базовый курс по фундаментальным наукам за три года уже был пройден, и следующие два предполагали глубокую специализацию по электрическим машинам. Работы в этой области у нас в Карабахе нет – значит, меня бы послали по распределению на какой-нибудь из заводов Армении или оставили работать на кафедре. Ни первый, ни второй вариант меня не устраивали: переселяться в Ереван я не собирался. К тому же я видел,

---

⁴ Медаль «За Халхин-Гол» – после завершения вооруженного конфликта (в 1939 году) у реки Халхин-Гол монгольское правительство основало знак «Участнику боев у Халхин-Гола». Соответствующий Указ Великого Народного Хурала появился 16 сентября 1940 года. Эта награда была предназначена для вручения как монгольским, так и советским воинам. В конце 1966 года значок получил статус медали.

что осваиваю материал быстро и у меня остается много свободного времени; почувствовал, что мой внутренний темп гораздо выше заложенного в программу обучения. Решил, что помимо учебы за два года могу успеть еще многое сделать.

Дальше я продолжил учиться на заочном: занимался самостоятельно, приезжал на месяц в Ереван, сдавал все экзамены за год, большинство экстерном, и возвращался домой. Институт я окончил с красным дипломом, правда, одна четверка туда все же затесалась – по теплотехнике. Ереванский политехнический 70-х годов остался в моей памяти первоклассным вузом с очень сильным профессорско-преподавательским составом. Мой завкафедрой, который тогда не смог отговорить меня от перевода на заочное отделение, до сих пор считает, что я уехал для участия в организации карабахского движения. Видимо, я так и не смог его в этом переубедить...

Переезд в Степанакерт очень быстро привел к важному событию в моей жизни: к женитьбе.

С будущей супругой мы ходили в один детский сад. В школе тоже попали в один класс и проучились вместе четыре года, потом оказались в разных школах, потом снова в одной, но уже в параллельных классах. Она мне всегда нравилась, но лирической подростковой дружбы между нами не случилось – Белла меня почти не замечала: я был не в меру скромным, в школьной жизни почти не участвовал, а она – активистка, образцовая отличница. После школы я потерял ее из виду, и судьба снова свела нас, когда я приехал домой на каникулы, но уже с твердым решением перейти на заочное отделение. Встретились случайно в городе. Я ехал на машине... и заметил ее, идущую вверх по улице. Обрадовался, притормозил, предложил подвезти домой. Не виделись мы давно, и я ничего про нее не знал: как у нее сложилась жизнь, чем она занимается. Разговорились, решили продолжить общение, обменялись телефонами.

Поженились мы осенью 1980 года. Все как у всех: обручение, помолвка, потом свадьба. Свадьба получилась запоминающаяся! В самом ее начале уже подвыпивший свояк Виктор, открывая красное шампанское, облил им невесту с головы до ног. Беллу это расстроило, а меня не на шутку рассердило. Единственным способом спасти свадьбу и Виктора было от души повеселиться.

Жить стали у меня – сначала вместе с моей матерью и семьей старшего брата. Потом Валера, работавший в редакции газеты «Советский Карабах», получил квартиру, они переехали, и мы остались втроем. В 1981 году родился наш старший сын Седрак, а потом, с интервалами в два года, дочь Гаяне и сын Левон.

Белла оказалась на редкость стойким человеком. Она никогда не жаловалась и даже в самые трудные минуты молча переносила все тяготы. Человек искренний и отзывчивый, моя жена всегда стремилась помогать другим, умела строить отношения с людьми и поддерживать бесконфликтную атмосферу в доме.

В семейной жизни я счастлив. Почему? Никогда не задумывался. Я считаю, что незачем копать в отношениях, анализировать их. Если тебе комфортно, если ты не ищешь причин пойти домой попозже, готов посвятить семье воскресные дни и не считаешь это великой жертвой, то просто живи как живешь и не ищи объяснений, почему это так и что у тебя хорошо, а что плохо. Воспринимай все как есть, иначе придумаешь себе проблемы, которых на самом деле нет.

Комсомол

Шел 1980 год. Я устроился инженером-технологом на электротехнический завод (был у нас в советское время такой завод, производил светотехнику). Но проработать мне там довелось совсем недолго, меньше полугода. Как-то раз звонит мне секретарша директора: «Тебя на завтра вызывают в горком комсомола, к первому секретарю, он сказал, что срочно хочет уви-

деть Кочаряна». – «Меня? Увидеть? Зачем? Да откуда он вообще про меня знает, первый секретарь?» – спрашиваю. Оказалось, горком комсомола ищет новые кадры, и на заводе назвали мою фамилию.

А я к комсомолу вообще никакого отношения не имел. Нет, я, конечно, был комсомольцем, но тогда все были комсомольцами! Никогда в жизни никакой общественной активности я не проявлял, более того, комсомольских лидеров не любил, считая их выскочками. С секретарями комсомольских организаций у меня всегда складывались натянутые отношения, а с одним из них – в ЕрПИ даже вышел конфликт. Как-то раз он вместе со свитой зашел к нам в комнату в общежитии, не постучавшись. Кажется, шла какая-то проверка. Я читал, сидя на кровати, и, видимо, посмотрел на него недружелюбно: мне не понравилось вторжение. Комс-орга это задело, и он командным голосом как рывкнет на меня: «Вставать надо, когда начальство входит!» Я вспыхнул мгновенно: «Послушай, начальник, тебя в детстве не учили в дверь стучать? Имей в виду, если я встану, то это плохо кончится!» Один из сопровождавших шепнул ему что-то на ухо, комсорг пригрозил вызвать меня на комитет и обсудить мое неподобающее поведение и ушел. Вызова на комитет так и не последовало – ребята передали, что обсуждать меня сочли неуместным. Напротив, после этого инцидента держались со мной подчеркнуто вежливо.

Интересно, что, несмотря на всю мою резкость и негативное отношение к комсомольскому начальству, взаимной неприязни с их стороны не возникало. Наоборот, меня всячески пытались втянуть в общественную деятельность: «Ты отличник, тебя студенты уважают, к тебе прислушиваются. Ты мог бы стать комсомольским лидером!» Ну да, я всегда хорошо учился, особенно мне нравились математика, теоретическая механика, физика. Легко справлялся с любой задачей из учебника. Ко мне часто обращались с вопросами по учебе, если в чем-то не могли разобраться, и я никому не отказывал в помощи. К тому же в общежитии у нас быстро сложилась дружная компания студентов. Хорошую учебу мы сочетали с активным времяпрепровождением. Придумывали веселые занятия, розыгрыши – делали свою жизнь интересной. Однокурсники меня уважали за знания, за действия, за характер – я это чувствовал. Но при чем тут общественная работа? Почему меня постоянно пытаются в нее втянуть? Я совсем не хочу этим заниматься! Публичность меня никогда не привлекала. Даже в детстве я был стеснительным ребенком, в школьной самодеятельности ни разу в жизни не участвовал, избегал шумных сборищ. Мне гораздо больше нравилось бродить с ружьем в горах или по лесу, одному или с самыми близкими друзьями.

Короче говоря, тяги к комсомольской работе я никогда не испытывал, и вдруг меня приглашают в горком комсомола! Но пришлось идти.

Захожу к первому секретарю, Виктору Кочаряну, и он предлагает мне у них работать. Говорит, что они рассматривают новые кадры, им меня порекомендовали, я им подхожу и есть срочная вакансия: секретарь комсомольской организации на одном предприятии. Я отказался категорически. «Да вы что, – говорю, – я инженер по образованию, никогда комсомольской работой не занимался, понятия не имею, что это такое, да и вообще – зачем мне все это нужно? Не хочу, это не мое!» – «Ты все-таки подумай, это же возможность карьеры. Не спеши отказываться. Подумай, а через пару дней скажешь...»

Я, конечно, размышлял над его предложением. Я понимал, что это не только новое для меня дело, но и возможность карьерного роста. Я занимался спокойной и скучной работой, которая не требовала напряжения и азарта. Что обычно делает технолог? Проводит несколько часов в цехе и следит, чтобы все технологии соблюдались. Я пытался внести в работу разнообразие, размышлял, что можно изменить, улучшить на производстве. Мне было интересно делать чуть больше, чем от меня требовалось.

Виктор Кочарян, мой однофамилец, тот первый секретарь, который меня пригласил работать в горком, всего через месяц после разговора со мной ушел в КГБ и дослужился до руко-

водителя спецслужбы НКР. Позже мы с ним породнились, женившись на сестрах. Но тогда, в момент нашей первой встречи, всего этого еще не произошло, я его совсем не знал и не мог предположить, что судьба свела нас надолго.

Через пару дней, поскольку сам я не появился, мне снова позвонили из горкома: «Ну, что решил?» Я в ответ буркнул что-то неопределенное: мол, ничего не решил, не знаю. А сам думаю: черт, а может, это как раз то, что мне надо? Во всю эту идеологию я уже не верил, но... у меня ведь совсем нет навыков работы с людьми, а тут как раз подворачивается возможность их получить – научиться делать то, чего я не умею, не пробовал и от чего всегда бежал как от огня. Я вдруг увидел в предложении вызов моим способностям, а это меня всегда притягивало и заводило.

Через день я сам позвонил в горком и сказал: «А что, давайте попробуем» – и... оказался на комсомольской работе.

Все мои друзья здорово удивились – хорошо меня зная, они даже представить себе не могли, что я соглашусь. Помню, что чувствовал неловкость перед ними: всегда с неприязнью относился к комсомольским вожакам, а тут вдруг сам решил стать одним из них. Но я пошел на это сознательно, без всяких идейных соображений. И это решение оказалось поворотным в моей судьбе.

Меня назначили освобожденным секретарем первичной организации, причем самой застойной в городе и самой непонятно устроенной, с загадочным названием – КБОН. Расшифровывалось оно так: комбинат бытового обслуживания населения. Идти туда секретарем не хотел никто, и вакансия эта висела в горкоме года два. Она считалась провальной: все мои предшественники вскоре после назначения вылетали с выговорами. Работать там действительно было сложно. КБОН представлял собой множество различных ателье, столовых, прачечных, разбросанных по всему городу. На любом заводе или фабрике, где люди каждый день вместе идут через одну проходную, ощущение коллектива возникает естественно, само собой. А мои комсомольцы работали в совершенно разных местах, не были между собой знакомы и никогда друг с другом не пересекались. Комсомольская работа, судя по всему, у них не велась уже давно.

Такого я совершенно не ожидал. Думаю: черт возьми, а что мне со всем этим делать-то? Что это вообще такое – комсомольская работа и как ее ведут? Начинал с абсолютного нуля: просто знакомился с людьми. Вот где была целина для развития коммуникативных навыков! Я заходил в какое-нибудь ателье, здоровался, представлялся: «Я ваш новый секретарь комсомольской организации, Роберт Кочарян, а где такой-то? Нет на месте? Где я могу его найти?» Оказалось, что не так уж это и сложно, просто надо больше улыбаться и быть готовым общаться не только с теми, кто тебе нравится. За короткое время мне удалось собрать из своих комсомольцев неплохую активную команду.

В качестве первой задачи я решил познакомить всех между собой. Говорю ребятам: «А давайте мы хоть раз соберем всех вместе, в одном зале, и проведем вечер отдыха. Они же друг друга в глаза никогда не видели!» Подходящее помещение мы нашли легко: все залы для проведения торжеств в городе принадлежали нашему комбинату. Подготовкой и обслуживанием всех мероприятий занимались тоже наши люди, так что и с организацией сложностей не возникло. Собрались, провели вечер – всем очень понравилось. С этого все и началось.

Я вдруг обнаружил в себе качества, о которых никогда не подозревал. Вернее, интуитивно я чувствовал и в детстве, и в школьные годы, и в армии, и в институте, что к моему мнению прислушиваются, что я могу влиять на людей, увлекать и объединять их вокруг себя. Но теперь это стало моей главной задачей и получалось естественно, само собой, не требуя никакого напряжения. Спустя короткое время организация реально заработала! Причем произошло это без всякой идеологии – я никогда не произносил пафосных речей.

Заметив, что мои усилия дали хорошие результаты, месяцев через восемь мне предложили повышение – и я стал инструктором в орготделе горкома комсомола. Там меня ждала совсем другая деятельность – в основном организационная: львиную долю дня я проводил у телефона, общаясь с первичными организациями, которых существовало огромное множество. Благодаря этому я познакомился с большим количеством новых людей и хорошо изучил город.

Но перемены, похоже, меня преследовали: примерно через год я ушел в горком комсомола вторым секретарем (произошла цепочка перемещений: второй секретарь стал первым, а первого перевели в обком). На новой должности у меня заметно прибавилось как задач, так и ответственности. Я отвечал за молодежный спорт в городе, за туризм, за военно-патриотическое воспитание. Соревнования, молодежные летние лагеря, игры «Зарница» и «Орленок» – список мероприятий был внушительным, график – плотным, так что если кто-то представляет себе комсомольскую работу как просиживание кресла в кабинете и бесконечные резолюции, то пусть знает: это совершенно не так.

Я был занят с утра до вечера живой работой с людьми, к которой к тому моменту у меня уже появился вкус. Комсомол оказался отличной школой! Он действительно учил такой работе, развивал лидерские качества и инициативность, ведь приходилось постоянно придумывать что-то новое. Конечно, еще требовалась энергия, чтобы все придуманное воплотить в жизнь, но энергии-то мне всегда хватало с избытком.

Среди моих задач были и более формальные: регулярно проводить пленумы и заседания бюро. Подходили мы к этому делу ответственно, но без энтузиазма, считая обязательной рутинной. Это были 80-е годы, в стране никто уже не верил в светлое коммунистическое будущее, а очереди за маслом, мясом и туалетной бумагой совсем не вдохновляли на подвиги. В киосках «Союзпечати» журналы «Коммунист» и «Агитатор» – издания ЦК КПСС – давали в нагрузку к гламурному журналу «Советский экран». У нас в горкоме все партийные функционеры, за редким исключением, относились к идеологии утилитарно, как к инструкции для стиральной машины. Вряд ли где-то еще в городе рассказывали столько анекдотов про Брежнева, как в наших стенах. А специфическую дикцию Леонида Ильича лучше всех копировал заворготдела горкома партии.

Коммунистическая идеология, которая служила фундаментом и цементом для огромной страны, повсеместно разлагалась, а дряхлеющее партийное руководство не могло предложить взамен ничего нового и привлекательного.

В то время пост первого секретаря нашего горкома партии занимал Завен Мовсесян – человек правильный и добрый, прошедший путь от рабочего до партийного лидера. Мы все очень его уважали. Как-то раз после одного из пленумов он пригласил меня к себе: «Я вижу, ты хорошо работаешь – с энтузиазмом, энергии у тебя много. Но в твоих выступлениях нет ссылок на решения ЦК и вообще отсутствуют цитаты из Брежнева». Я немного напрягся – я действительно избегал фразы «как сказал Леонид Ильич» – и честно признался: «Да как-то язык не поворачивается». А Мовсесян вздохнул, посмотрел на меня пристально и очень мягко, по-отцовски, сказал: «А ты думаешь, мне все это нравится? Но надо хоть раз-то сказать... Ну, просто принято это делать». Этот человек честно делал свою работу, пытаясь приносить максимальную пользу там, где был.

Вторым секретарем я проработал около двух лет, а потом вступил в КПСС и ушел инструктором в горком партии. Из горкома меня направили на наш Шелковый комбинат секретарем парткома. Комбинат являлся самым крупным предприятием области – как тогда говорили, «флагманом нашей индустрии», – и это назначение напоминало самое первое в моей комсомольской карьере: всех, кого туда посылали в последние годы, потом «награждали» партийными выговорами.

На комбинате меня встретил огромный рабочий коллектив – хороший, но очень непростой: профессионалы высокой квалификации, которые знали цену своему труду. Несколько из моих ткачих имели звание Героя Социалистического Труда, правительственные ордена и медали, одна из них была членом бюро обкома партии, другая – депутатом Верховного Совета СССР. А инженерно-технический состав считался настолько сильным, что наших специалистов приглашали на другие предприятия в Азербайджане, когда местные инженеры не справлялись с монтажом новой техники или настройкой высокотехнологичного оборудования. И тут перед ними я – новый молодой парторг, присланный из горкома. Поначалу я чувствовал к себе настороженное внимание: «Что он будет делать? Поведет себя как большой начальник? Или станет нашим?»

У меня было хорошее стартовое преимущество, ведь я более двух лет проработал там электриком. Я знал многих сотрудников, понимал особенности работы, имел представление о технологии. Без глубокого знания производства симпатии коллектива завоевать невозможно независимо от того, какую должность ты занимаешь. С другой стороны, совершенно недопустимо в погоне за симпатиями заигрывать с рабочими, изображая «своего парня». Думаю, это и стало основной проблемой моего предшественника.

Добротное инженерное образование в сочетании с опытом, полученным за время трудовой деятельности на рабочих должностях, позволили мне очень быстро вписаться в коллектив и установить хорошие и прочные деловые отношения как с рабочими, так и с инженерно-техническим персоналом.

Словом, работать мне было интересно.

Здесь я приобрел новые знания и навыки, которые в будущем мне очень пригодились. Я научился лучше понимать коллективную психологию людей, причем людей из незнакомой мне социальной среды, научился правильно вести себя с ними. В отличие от комбината бытового обслуживания, на котором я когда-то начинал свою комсомольскую карьеру, тут коллектив объединяло мощное чувство локтя: каждое утро все идут через одну и ту же проходную, все друг друга знают и вместе болеют за общий результат.

Я не верю в классовую теорию, но видел и знаю: несмотря на все внутренние противоречия, рабочая солидарность существует. Наверное, это то, что в нынешнее время психологи называют «корпоративной солидарностью». Чувство единения с коллективом наделяет каждого его участника дополнительной силой. В Карабахе эта сила проявила себя в полной мере очень скоро – когда возникло и моментально набрало мощь карабахское движение.

Часть II Карабах

Глава 5 Начало освободительного движения

Сбор подписей за воссоединение с Арменией

Началось все осенью 1987 года с мирных и законных действий: со сбора подписей под обращением в ЦК КПСС, Горбачеву, с просьбой о передаче Нагорно-Карабахской автономной области из состава Азербайджана в состав Армении. Когда-то такой же точно процесс – сбор подписей и обращение в ЦК – случился при Хрущёве, во время оттепели 1966–1967 годов, и был жестоко подавлен властями. Но в этот раз ситуация кардинально отличалась от предыдущей: не мы вдруг начали требовать перемен, а перемены сами ворвались в нашу жизнь. Ворвались стремительно, вместе с лозунгами «демократия», «перестройка», «гласность». Оказалось, что можно говорить обо всем, что наболело, и впервые за многие десятилетия у нас появилась вера, что мы, обычные люди, можем влиять на происходящее.

Это был невероятно интересный и наполненный надеждами период. Шел I Съезд народных депутатов СССР, и люди по всей стране следили за его трансляцией, не отрываясь от телевизоров и радиоприемников. На трибуне Съезда появились интересные и грамотные ораторы, говорящие на всю страну такое, о чем за год до этого люди предпочитали шептаться на кухнях. Они мгновенно превращались в звезд, становились гостями телепередач, интервью с ними публиковались в прессе. Телевидение, газеты и журналы стали чрезвычайно интересными и притягивали к себе внимание миллионов зрителей и читателей. По утрам в киоски «Союзпечать» выстраивались очереди за свежими газетами, и тиражи самых популярных изданий уже к обеду раскупались подчистую.

Как будто вдруг распахнули окна в комнате, которую не проветривали десятилетиями, и от избытка политического кислорода у всех голова пошла кругом. Непривычная свобода рождала веру в то, что все мы вольны сами выбирать, принимать решения, создавать собственное будущее – будущее своего Арцаха. Ну, по крайней мере, мы действительно поверили в то, что перемены к лучшему и в нашей жизни, и в нашем государственном устройстве наконец-то стали реальными.

Однако параллельно шел и процесс эрозии власти, сначала незаметный, но уже набиравший обороты. В крайне централизованной, идеологизированной и многонациональной стране власть сама ломала привычные стереотипы и барьеры, но при этом вряд ли осознавала, что одновременно разрушает устои государственного устройства СССР. Прямо на глазах страна становилась неуправляемой, плановая экономика ушла в свободное падение, а нарастающие центробежные силы сделали процесс необратимым.

Меня часто спрашивают: «Разве развал СССР начался не с карабахского движения?» Я отвечаю отрицательно: конечно, нет. Просто противоречия вскрылись там, где они изначально существовали, и произошло это в точках наивысшего напряжения. Каждый раз в истории Карабаха ослабление центральной власти неминуемо приводило к обострению межэтнических противоречий. Любые политические потрясения в центре, которые нарушали привычный ход вещей и создавали ощущение политической бесхозности, пробуждали стремление кара-

бахцев к воссоединению с Арменией. Так было и в 1917–1920 годах: после революции, с падением имперской власти Карабах стал ареной столкновений между армянами и азербайджанцами. В царской России административное территориальное деление шло по губерниям без учета этнических особенностей территорий. Карабах входил тогда в Елизаветпольскую губернию, а большая часть нынешней Армении – в Эриванскую. Развал Российской империи сопровождался формированием новых независимых государств в Закавказье. Каждое из них провозглашало свои границы, и в некоторых местах произошло наложение территорий, поскольку в Баку считали, что границы нужно проводить по территориальному делению уже не существующей Российской империи, а в Ереване – по этническим границам проживания армян. Армяне отстаивали свой подход, поскольку он давал возможность реализовать многовековое стремление к воссоединению и восстановлению армянской государственности. Но, когда Красная Армия вошла в Баку и Ереван, спор по Карабаху был решен в пользу Баку. Нагорный Карабах оказался в составе Азербайджана, хотя подавляющее большинство населения области составляли армяне.

Мы, карабахцы, постоянно чувствовали, что наши интересы игнорируются и ущемляются. Наличие автономии не ограждало нас от административного доминирования Баку. В советские годы его основные усилия были направлены на то, чтобы заселить область азербайджанцами, изменив этнический состав края. Это нас очень тревожило, ведь мы уже видели почти полную деармянизацию Нахичевани. Союзные власти с крайней подозрительностью воспринимали любые отношения НКАО с Арменией и пытались максимально их ограничивать. Советский атеизм на практике внедрялся весьма избирательно. Последняя церковь в Карабахе была закрыта еще в 20-е годы, а все армянские храмы стояли без крестов, и азербайджанские историки называли их албанскими. При этом в соседнем с Карабахом Агдаме весь советский период функционировала мечеть. Даже за право говорить на своем языке нам приходилось постоянно бороться. Сталкиваясь на каждом шагу с проявлениями неравноправия, мы чувствовали себя хозяевами в Карабахе, но чужими в Азербайджане.

Я как-то назвал наши отношения с азербайджанцами «этнической несовместимостью» и потом долгое время подвергался резкой критике за свои слова. Возможно, я действительно выразился неудачно, но ведь очевидно, что у наших народов абсолютно разные этнические, религиозные и культурные традиции, разный бытовой уклад. У нас разные предпочтения и представления о моделях государственного устройства наших стран и их геополитических приоритетах. Думаю, мы можем стать хорошими соседями, но мы никак не должны находиться в подчинении друг у друга.

Стремление воссоединиться с Арменией существовало на протяжении всего советского периода. Внешне незаметное, оно подспудно дремало в армянском обществе, готовое прорваться на поверхность в любой момент, как только позволят обстоятельства. Инициатива по сбору подписей возникла в Ереване и очень быстро охватила Карабах. Процесс запустила армянская интеллигенция – в основном выходцы из Карабаха, по разным причинам живущие за его пределами. У всех на слуху оказались тогда имена Зория Балаяна⁵, Баграта Улубабяна⁶, Игоря Мурадяна⁷, но движение не имело формальной структуры – оно было стихийным, как лесной пожар: так пламя, вспыхнувшее в сухом лесу, распространяется стремительно и неудержимо, захватывая все вокруг.

---

⁵ **Балаян, Зорий Гайкович (род. в 1935 г.)** – советский и армянский писатель, публицист, политический и общественный деятель. Активный участник борьбы за независимость Нагорного Карабаха. В 1989–1991 годах – народный депутат СССР. Герой Арцаха.

⁶ **Улубабян, Баграт Аршакович (1925–2001)** – советский и армянский историк, известный своими трудами по истории Нагорного Карабаха. Доктор исторических наук. Активный участник Карабахского движения.

⁷ **Мурадян, Игорь Маратович (род. в 1957 г.)** – армянский политический и общественный деятель, активный участник движения за независимость Нагорного Карабаха, один из основателей комитета «Карабах».

Я в то время по-прежнему работал секретарем парткома Шелкового комбината. Жизнь текла размеренно – спокойная, понятная, стабильная и предсказуемая. Коллектив на комбинате был дружный, сплоченный. Можно сказать, одна большая семья.

И вот однажды, в самый обычный день, ко мне подходят двое наших рабочих. Говорят: «Везде собирают подписи под обращением в ЦК о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией, и мы хотим в нашем коллективе тоже собрать – все же крупнейшее предприятие области. Вы не против?» Я, конечно, не был против: я видел, что происходит в городе, – правда, особого значения этому еще не придавал: «Давайте! Раз везде собирают – может, и получится что-то». Через пару дней я узнал, что под обращением в ЦК подписался почти весь наш комбинат, спустя еще неделю – все предприятия Степанакерта, а к концу месяца – уже все жители города! В очень короткий промежуток времени, месяца за три, свои подписи поставило чуть ли не все взрослое армянское население Карабаха. Исключением стали только самые высокопоставленные партийные работники, которые на такой шаг не решались в силу своей должности, но и они смотрели на происходящее с симпатией, сопереживали и поддерживали.

Сбор подписей велся подпольно, поэтому сложно сказать, кто управлял этим процессом, – никакой оформленной структуры не существовало (по крайней мере, я о такой никогда не слышал). Явных лидеров тоже не наблюдалось, но, пожалуй, среди всех активистов заметно выделялся Аркадий Карапетян (позднее, во время войны, он станет заниматься формированием отрядов самообороны). При этом вовлеченность в движение, начатое маленькой группой энтузиастов, росла в геометрической прогрессии и очень быстро стала всеобщей. Этот удивительный яркий процесс эмоционально глубоко захватил и объединил наш народ. Нас переполняли оптимизм и искренняя вера в то, что раз в стране гласность, перестройка, то ко мнению людей, конечно же, прислушаются. Мы были убеждены в собственной правоте и не совершали ничего антисоветского – просто подписали законное обращение в ЦК КПСС, в Политбюро, к Горбачеву.

1 декабря 1987 года наша карабахская делегация поехала в Москву и передала обращение, под которым стояло несколько десятков тысяч подписей, в приемную ЦК КПСС. В нем мы объясняли свою позицию и приводили в ее защиту документы, касающиеся истории, этнографии, культуры Нагорного Карабаха. Через месяц, в январе 1988-го, в Москву отправилась еще одна делегация. Каждая из них пыталась донести до центральной власти простую идею: проблема есть – и серьезная; раз она уже поднялась на поверхность, ее нельзя игнорировать – ее надо решать. Можно действовать поэтапно, можно искать различные формы, но нельзя делать вид, что ее не существует, – иначе начнутся неконтролируемые процессы. В ЦК нашим делегатам отвечали, что относятся к сложившейся ситуации с пониманием, но рассматривать ее готовы только в социально-экономической плоскости. Говорили, что схожих проблем в СССР около двадцати, и решение одной из них повлечет за собой цепную реакцию. Вести из Москвы не вдохновляли – напротив, они только нагнетали напряжение, гальванизировали до предела известное упрямство карабахцев, и в какой-то момент накопившаяся неудержимая энергия просто вытолкнула людей на улицы. Начались массовые митинги и демонстрации.

Мирные выступления

Для Советского Союза это было невиданное дело: митинг, не организованный сверху, а, как сейчас говорят, несанкционированный, стихийный, народный, зародившийся в самых низах. Такого не случалось, наверное, со времен царя. Самые первые выступления происходили мирно, под искренними и наивными лозунгами – мы все еще верили, что решение центральной власти будет справедливым. Люди выходили на улицу с плакатами «Ленин, Партия, Горбачев». С каждым днем митинги становились все более многочисленными, все чувствовали, что происходят очень важные исторические события, и никто не хотел оставаться в стороне.

Процесс захватил даже тех, кто занимал высокие должности и поэтому, казалось бы, должен был вести себя более осторожно. Но так не получалось: если, скажем, первый секретарь райкома партии не присоединялся к стихийному митингу, который собрался у здания райкома, то сразу же терял всякий авторитет.

Появились первые неформальные лидеры – те люди, которые активно выступали на митингах, смело говорили о происходящем, умели увлечь за собой. Некоторые из них придерживались радикальных взглядов, другие – более умеренных, но многих из них знали и уважали по прошлым делам и поступкам, их мнению доверяли, к ним прислушивались. Среди этих лидеров были и директора предприятий, и партийные работники, и преподаватели вуза, писатели и представители рабочих коллективов.

Пошел интересный и необычный для советской действительности процесс самоорганизации движения. Инициативно образовалась неформальная группа, которая принимала все решения о митингах: где и когда их проводить, как обеспечивать порядок. Никто нас не избирал, все произошло само собой: активистов, взявших на себя организационные функции, объединила совместная деятельность. Стояла зима, очень холодная в тот год, и мы заботились о том, чтобы люди имели возможность согреться: привозили горячую воду, заваривали для всех чай, обеспечивали питание. Медики устроили на площади дежурство «скорой» – мало ли что может произойти.

Мы собирались в любом подходящем месте – на работе или дома у одного из нас, – обсуждали текущую ситуацию и принимали решения. В это же время на всех карабахских предприятиях шли общие собрания коллективов и первичных партийных организаций. Тема обсуждения – одна, насущная, волнующая всех: переход Нагорного Карабаха в подчинение Армении. Собрания единогласно принимали постановление: «Просить вышестоящие органы решить вопрос о воссоединении НКАО с Арменией положительно». Затем постановления передавались выше, и везде – на пленумах и партхозактивах райкомов, горкома партии и советов народных депутатов всех уровней – принимались единогласно.

Руководство Азербайджана пыталось повлиять на нас. Приезжали разные партийные деятели, должностные лица из ЦК компартии республики и уговаривали прекратить митинги. Держались они не очень уверенно – нам казалось, что власть растерялась и не вполне понимает, что со всем этим делать.

В середине февраля в Степанакерт ввели союзные войска, а Баку направил дополнительные милицейские силы из соседних с областью азербайджанских районов. Такая попытка силового давления не вполне вписывалась в заявленную центральной властью политику и сразу вызвала у всех волну возмущения и негативное отношение к союзному центру. Теперь на улицы вышел весь город, и митинги продолжались безостановочно. Основное требование – созвать сессию народных депутатов области и принять решение о воссоединении НКАО с Арменией. Начался сбор подписей депутатов областного совета за проведение 20 февраля внеочередной сессии с единственным вопросом на повестке дня: о передаче области из состава Азербайджана в состав Армении. Собрать нужное по регламенту количество подписей в той атмосфере не представляло ни малейшего труда.

19 февраля азербайджанское агентство «Азеринформ» сообщило, что ЦК КПСС никаких территориальных вопросов не рассматривал и рассматривать не собирается. В знак протеста в Карабахе объявили всеобщую забастовку. В советские годы забастовка считалась невероятным, из ряда вон выходящим событием. Уже на следующий день в Степанакерт прибыла делегация – Багиров⁸, Яшин⁹ и еще кто-то из членов бюро ЦК КП Азербайджана, чтобы предотвратить проведение сессии.

---

⁸ Багиров, Кямран Мамед оглы (1933–2000) – член ЦК КПСС, с декабря 1982 года по май 1988 года – первый секретарь ЦК КПСС Азербайджанской ССР.

Багиров дал установку силовым структурам всячески препятствовать сбору депутатов, и мы весь день перевозили их окольными путями, чтобы обеспечить явку и не дать сорвать сессию. Добравшихся до Степанакерта мы тут же снабжали необходимыми материалами и списком аргументов для выступлений. Ведь тогда советы формировались партийными органами с обязательным процентом охвата рабочих и колхозников, фактически – по разнарядке, и далеко не все депутаты обладали ораторскими навыками. К вечеру мы смогли обеспечить кворум, и сессия началась в 21:00. Площадь перед зданием облисполкома была переполнена людьми. На сессию неожиданно пришли Багиров, Яшин, Кеворков¹⁰, а также члены бюро обкома партии. Первым выступил Багиров. Он говорил о братской дружбе наших народов, о том, как мы вместе счастливо 70 лет бок о бок живем в Азербайджане, и что небольшая группа безответственных националистов подбивает народ на необдуманные действия. Обещал в кратчайшие сроки исправить все допущенные по отношению к области ошибки. Подчеркнул, что сессия не вправе решать территориальные вопросы и что Карабах останется в составе Азербайджана. В таком же ключе выступил и Яшин.

В ответ начали выступать депутаты. Они эмоционально говорили о систематических ущемлениях интересов области и о том, что сессия вправе принимать решения абсолютно по всем вопросам, касающимся НКАО. Багиров и Яшин часто прерывали ораторов, сыпали обещаниями и заявляли, что проблемы области отныне будут находиться в центре внимания Баку. Однако все их усилия изменить ход сессии были тщетны. Потеряв всякую надежду добиться своего, они ушли, и сессия приняла историческое для Карабаха решение о выходе из состава Азербайджана и воссоединении с Арменией уже в их отсутствие.

На следующий день, 21 февраля, вышло постановление Политбюро ЦК КПСС «О событиях в Нагорном Карабахе», в котором наше требование о включении области в состав Армянской ССР назвали «принятым в результате действий экстремистов и националистов» и «противоречащим интересам Азербайджанской ССР и Армянской ССР». Республиканские радио и телевидение тут же во всеуслышание заявили, что волнения в НКАО – дело рук «отдельных экстремистских группировок». Но обращение к Политбюро ЦК было принято на заседании Областного совета народных депутатов, чему предшествовали решения партийных и советских органов области всех уровней! Постановлением Политбюро практически все армяне Карабаха вдруг стали экстремистами. У нас тогда шутили: как истинные коммунисты, теперь мы должны соответствовать данной оценке.

Действия Политбюро являлись критически ошибочными и недалновидными. Не знаю, понимала ли власть, что, назвав народное движение за воссоединение с Арменией действиями кучки националистов-экстремистов, она безвозвратно и непоправимо перевела происходящее в другую плоскость. Мы начали осознавать, что Москва не намерена решать проблему, что скоро мы можем стать объектом давления и к этому надо готовиться.

Уже 22 февраля в Степанакерт прилетели Демичев¹¹ и Разумовский¹², чтобы реализовать постановление Политбюро «О событиях в Нагорном Карабахе». Они созвали областной партхозактив в здании обкома партии, и, по задумке руководства, именно партийному активу предстояло развернуть деятельность «по противодействию националистическим настроениям в НКАО». Видимо, власти считали, что жесткое постановление Политбюро отрезвит партийное руководство области, но для большей уверенности решили провести предварительную работу с участниками.

---

⁹ Яшин, Виктор Михайлович – инструктор отдела пропаганды ЦК КПСС.

¹⁰ Кеворков, Борис Саркисович (1932–1998) – в 1973–1988 годах – первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома КПСС.

¹¹ Демичев, Петр Ниллович (1918–2010) – кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

¹² Разумовский, Георгий Петрович (род. в 1936 г.) – кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

Накануне заседания партхозактива ко мне в партком Шелкового комбината неожиданно пришла целая делегация: секретарь ЦК компартии Азербайджана, кажется, вместе с завотделом ЦК, первый секретарь нашего горкома партии и Борис Кеворков, первый секретарь обкома партии. Кеворков родился в Карабахе, но всю свою карьеру сделал в Баку. Люди его побаивались – он имел славу очень жесткого руководителя, преданно служившего интересам Азербайджана. Разговор со мной происходил примерно так: «Ну вот ты – молодой, перспективный... Впереди блестящая партийная карьера. У тебя есть авторитет. Посодействуй, помоги нам. Надо уже как-то прекратить эти митинги, надо успокоить людей». Следом шли обещания всевозможных радужных перспектив: дальнейшая карьера, учеба в Академии ЦК КПСС¹³ и еще целый ряд привилегий. Угрозы не звучали, напротив, тон разговора был очень мягким и дружественным, и даже слишком – для беседы секретаря ЦК Компартии республики с секретарем парткома предприятия. Они понимали, что им понадобится поддержка местных руководителей, и пытались заранее ею заручиться.

У меня они такой поддержки не нашли. Я прямо сказал: «Ну, допустим, уговорите вы меня. Уговорите еще одного, второго, третьего. Но это ничего не изменит! Кажется, вы недооцениваете глубину происходящего». Позже выяснилось, что они заходили не только ко мне.

Началось заседание областного партхозактива. Обстановка в зале царила напряженная, все нервничало. Кроме жесткого постановления Политбюро, нам подпортила настроение еще и неприятная новость из Еревана: ЦК Компартии Армении не поддержал решение нашей областной сессии народных депутатов о выходе из состава Азербайджана. Выступления были критичные и хорошие, но из-за того, что участники держались скованно, они не передавали той страсти и экспрессии, в которой пребывал Карабах.

Я попросил слова и выступил очень резко. Кажется, мне удалось эмоционально выплеснуть настроение бурлящего Карабаха с трибуны пленума. До сих пор хорошо помню этот момент: я обращаюсь к залу и, естественно, к президиуму стою спиной. В разгар выступления слышу, как кто-то позади меня цедит сквозь зубы: «Хватит, Роберт, хватит! Хватит, остановись!» Я обернулся и вижу, что это побагровевший от ярости Кеворков. Я даже обрадовался и продолжил, обращаясь уже к нему: «Хорошо, что вы о себе напомнили! А то я совсем забыл! Именно вы и несете прямую ответственность за происходящее!» В общем, высказал все, что о нем думаю, и закончил свою речь предложением снять Кеворкова с занимаемой должности.

В итоге партхозактив прошел совсем не так, как рассчитывало высокое начальство. А Кеворкова действительно через день сняли с формулировкой «за недостатки в работе».

На его место назначили нашего председателя агропрома, Генриха Андреевича Погосяна¹⁴, который хотя и недолго оставался первым секретарем, но проявил себя на этой должности очень достойно. Когда в Карабахе расформировали областные органы власти и создали Комитет особого управления, Погосян уехал в Москву, но это произошло гораздо позже. А тогда на некоторое время эта смена власти очень нам помогла, поскольку предоставила дополнительную трибуну. К тому же местные руководители, вливаясь во власть, добавляли сил нашему движению.

Наверняка многие задаются вопросом: а можно ли было вообще избежать военного развития конфликта? Если бы Москва активно вмешалась в происходящее, если бы Горбачев решился действовать? Думаю, что с распадом СССР обострение конфликта и его военная фаза были неизбежны. Лишь сильная центральная власть могла бы контролировать процесс. Но Москву охватили растерянность и сомнения, там не вполне понимали происходящее и не видели выхода из ситуации в парадигме перестройки, гласности и демократизации.

---

¹³ Академия общественных наук при ЦК КПСС. – *Прим. ред.*

¹⁴ **Погосян, Генрих Андреевич (1931–2000)** – последний руководитель (первый секретарь) Нагорно-Карабахского обкома КПСС с 24 февраля 1988 года. Народный депутат СССР.

Противостояние

Ситуация стала полностью зеркальной: у нас митинги за отделение от Азербайджана, а у них – за удержание Карабаха в своем составе. Вспыхнули волнения в Шуше – городе, расположенном в горах выше Степанакерта, где в основном жили азербайджанцы. Когда-то город служил резиденцией персидского наместника, в нем стояли древние персидские мечети и армянские церкви, и Шуша являлась культурным центром для обоих народов.

Начались столкновения между армянами и азербайджанцами и в самом Карабахе, и в приграничных районах. В конце февраля на центральной площади азербайджанского Агдама собрался большой митинг. Обстановка к тому моменту и так уже была далека от спокойной, а тут еще ораторам удалось разжечь агрессию в собравшихся. Откликнувшись на призывы немедленно наказать непокорных армян, многотысячная толпа агдамцев, вооруженная камнями, дубинками и арматурными прутьями, двинулась в сторону армянского райцентра Аскеран, громя все на своем пути. У окраины Аскерана их встретили собравшиеся на защиту сельчане и милиция. Произошла стычка, завязалась перестрелка, двое азербайджанцев были убиты. Кто виноват, кто первый начал стрелять – так и не разобрались. Как, впрочем, никто не смог предоставить разумных объяснений: а что вообще делала толпа вооруженных азербайджанцев на окраине армянского поселка? Правовых оценок этому факту также дано не было. Но Азербайджанское телеграфное агентство тут же распространило новость, во всеуслышание объявив об убийстве двух азербайджанцев «в результате столкновения между жителями Агдама и Аскерана». Информацию незамедлительно подхватили местные СМИ, с экранов телевизоров во всех выпусках новостей смаковались подробности события.

На митингах в Баку этой историей сразу же воспользовались наиболее экстремистские группировки; зазвучали призывы к мести. Армяно-азербайджанские отношения неотвратимо сползали в межнациональную вражду. Напряжение становилось запредельным.

Сумгаит

Взрыв случился 27 февраля в Сумгаите.

Сильно высказался о Сумгаитской трагедии Анатолий Мостовой¹⁵: «Государство рухнуло не в Беловежской Пуще – там делили власть, а не страну; Советский Союз развалился в тот самый миг, когда приравнял геноцид к бытовому хулиганству. Это для поэта трещина мира проходит через сердце. Для Советского Союза трещина прошла через Сумгаит».

Мы проводили митинги в Степанакерте, а за триста километров от нас, на другом конце Азербайджана пострадали проживавшие в Сумгаите армяне, многие из которых были выходцами из Карабаха. Когда-то они приехали строить Сумгаит по призыву комсомола и потом остались там работать – промышленный город в рабочих руках очень нуждался. Армянский погром в Сумгаите длился несколько дней, с 27 по 29 февраля, при полнейшем попустительстве властей и бездействии милиции, которая никак не вмешивалась в происходящее. Людей жестоко убивали, насиловали, выкидывали из окон, сжигали заживо. Лишь на третий день в город ввели войска, было объявлено военное положение, комендантский час. Кровапролитие было остановлено, армянское население начали эвакуировать.

О том, кто стоял за этими событиями, есть разные мнения, за прошедшие годы все они были изложены не раз и не два, так что я этого подробнее касаться здесь не буду. Да я и не знаю, какими словами можно описать трагедию, всколыхнувшую всю Армению. Но она стала пово-

---

¹⁵ **Мостовой, Анатолий** – военнослужащий, прибывший в феврале 1988 года в город Сумгаит в составе полка внутренних войск СССР. Очевидец армянских погромов.

ротным моментом, после которого наше восприятие реальности резко изменилось. Если предшествующий период можно назвать периодом «перестроечного романтизма», когда мы провинциальному наивно ждали решения от центральной власти, когда мы верили, что достаточно лишь изъявления воли народа, писем, делегаций, то после погромов в Сумгаите все эти иллюзии растаяли. Стало ясно, что свои проблемы нам придется решать самим и что легких решений не будет.

Глава 6 На грани войны

Конец иллюзий

Случившаяся в Сумгаите трагедия задала иной вектор последующим событиям. Надежда на то, что ситуация в Карабахе разрешится быстро и бескровно, исчезла в один день. Описания погромов и убийств шокировали, не умещались в сознании людей и напоминали описанные в литературе картины армянских погромов в Шуше начала века. Ничего подобного в Советском Союзе никогда не случалось, и никто даже не думал, что такое возможно. Очень скоро по схожему сценарию погромы разрушили жизнь и изгнали со своей земли армян Кировабада, затем – Геташена, Чардахлу, Зурнабада и многих других сел. Все эти события породили волну взаимной агрессии между нашими народами, разом вспомнившими все взаимные обиды за последние двести-триста лет, и многократно увеличили масштаб протеста. В Баку, где к этому моменту уже сформировался народный фронт, сотни тысяч людей вышли на митинги.

В то же самое время многолюдные митинги в Степанакерте продолжались безостановочно. Всем в Карабахе стало понятно, что обратной дороги нет и оставаться в составе Азербайджана нельзя – речь уже идет не об ущемлении наших интересов, а об угрозе физического существования. Лозунги и выступления отражали именно такое восприятие происшедшего. Нам казалось, что трагедия в Сумгаите продемонстрировала: безопасное проживание армян в Азербайджане невозможно, и теперь центральная власть пересмотрит свое отношение к карабахскому вопросу. Думаю, что решение о выводе НКАО из состава Азербайджана сразу же после сумгаитских погромов было бы наиболее адекватным ситуации и, возможно, предотвратило будущую войну.

Впрочем, само руководство, кажется, еще не осознавало серьезности происходящего и надеялось успокоить людей словами и обещаниями. 29 февраля по республиканскому радио и телевидению выступил Багиров, сообщил о массовых беспорядках в Сумгаите и Кировабаде, о фактах грабежа, мародерства, насилия над армянами и призвал азербайджанцев к спокойствию. В этот же день в Степанакерт, где на центральной площади шел непрерывный стотысячный митинг, прилетел Демичев. Он выступил перед взволнованными людьми и попытался их успокоить сообщением, что Политбюро ЦК КПСС повторно вернулось к вопросу о Нагорном Карабахе, собирается более тщательно изучить все материалы и еще раз рассмотреть его. Но к этому моменту таким призывам, обещаниям и заявлениям уже мало кто верил.

Совершенно спонтанно, прямо на митинге, был сформирован комитет «Крунк». Потребность в структуре висела в воздухе, а идею подал Аркадий Манучаров¹⁶, директор Степанакертского комбината стройматериалов, и мы обсудили ее между собой, стоя у трибуны. Идею все поддержали, Манучаров тут же взял слово и предложил митингу создать комитет. Присутствующие стали выкрикивать имена тех, кто уже успел проявить себя и заслужить доверие людей. Кто-то назвал мое имя.

Это была самая первая попытка создать некий координирующий орган – в будущем нам предстоит это делать еще не раз. Название имело двойной смысл: с одной стороны, в переводе с армянского «крунк» означает «журавль» и символизирует возвращение на родину и домашний очаг. С другой стороны, по-русски это акроним: Комитет революционного управле-

---

¹⁶ Манучаров, Аркадий Манвелович (1931–2008) – один из лидеров движения за независимость Карабаха, директор Степанакертского комбината стройматериалов, 1 марта 1988 года был избран руководителем национально-освободительного движения «Крунк».

ния Нагорного Карабаха. Официально «Крунк» был заявлен как «общественно-политическая организация», но на самом деле он взял на себя руководство разгорающимся освободительным движением. Дальше уже все делалось от имени этого комитета. В «Крунк» вошли новые лидеры – люди, проявившие наибольшую активность во время последних событий. Главой комитета выбрали Аркадия Манучарова, я же возглавил идеологическую секцию и написал программу и устав.

Комитет действовал полностью легально. Мы собирались открыто в самом центре Степанакерта, прямо напротив райкома партии, в здании редакции местной областной газеты «Советский Карабах», или у кого-то из нас на предприятии по очереди – в «Крунке» было немало директоров предприятий и секретарей парткомов. Заседания проходили не по графику, мы не успели его выработать, да и ситуация вокруг менялась каждый день. Собирались по необходимости, а она возникала довольно часто. Протоколов не вели, делопроизводства, конечно, тоже не было. Все мы имели достаточный опыт партийной и хозяйственной работы, организационные навыки, но в той атмосфере «Крунк» до конца своего существования так и оставался продуктом митингового движения. Обязанности мы между собой не распределяли, каждый просто брал на себя те функции, которые у него получались лучше, – каждый хотел быть максимально полезным. Заседания проходили бурно, эмоционально, возникали споры о том, насколько мы можем быть радикальными: кто-то выдвигал более жесткие требования, кто-то – менее. Радикальность выражалась в подходах, в лозунгах, в текстах обращений. Одни предлагали ограничиться уговорами: «Все-таки мы обращаемся к Москве, надо попытаться их убедить»; другие считали, что пора от уговоров переходить к требованиям, а третьи – что одних слов, как бы убедительно они ни звучали, недостаточно и нужны более действенные методы, такие как забастовка. Радикальность и сдержанность скорее отражала темперамент участников, а не отношение к будущему Карабаха – здесь разногласий между нами не возникало.

Конечно, вся эта сдержанность и радикальность со стороны, для Москвы, выглядела одинаково. Это как в анекдоте про разговор заключенных в тюрьме: ты лежишь, а я стою, но для тех, кто снаружи, мы оба сидим. С позиции сегодняшнего дня все эти споры – кстати, весьма серьезные – могут показаться наивными. Но в советское время всерьез обсуждать забастовку? Да даже само это слово тогда воспринималось только в контексте борьбы рабочих за свои права где-то на Западе! И вдруг – сидит группа директоров предприятий, преподавателей вузов, артистов, поэтов, партработников, человек двадцать пять, все с партбилетами – и обсуждают всеобщую забастовку. Всего за пару недель произошел невероятный сдвиг в сознании людей, отразивший невиданную прежде ситуацию в стране. Не знаю, в каком состоянии в СССР существовала социальная психология как наука – по крайней мере, о ней тогда мало говорили. Но я думаю, социологам было бы интересно понаблюдать, как быстро и кардинально в такие периоды идет трансформация людей и общества в целом – как у дисциплинированного и законопослушного гражданина за считанные дни разрушаются встроенные в сознание всей предыдущей жизнью модели поведения, как рушатся барьеры личного и коллективного восприятия дозволенного и недозволенного.

Я не входил в умеренный лагерь, но и чрезмерно радикальных взглядов не придерживался. Я старался вести себя рационально, не поддаваться эмоциям, оценивать риски и последствия принимаемых решений, руководствуясь интересами дела. Я понимал: чтобы добиться успеха, нужно использовать все имеющиеся возможности; помимо проведения акций протеста, важно продолжать работать с Москвой – пытаться воздействовать на союзное руководство, приобретать сторонников среди влиятельных людей, рассказывать правду о происходящем у нас, убеждать в своей правоте, обосновывать свою точку зрения, добиваться решения.

Мы не собирались воевать – тогда это казалось чем-то невероятным. Мы хотели справедливости и мира. Мы продолжали отправлять наши делегации в Москву, запрашивали встречи в Политбюро, общались с народными депутатами, выступали на различных форумах. В начале

марта с одной из делегаций в Москву полетел и я. Встречались с Лигачевым¹⁷, слышали опять все те же слова о неготовности решить наш вопрос. Лигачев приводил прежние аргументы, словно не было Сумгаита. Все члены нашей делегации (М. Мирзоян¹⁸, С. Орбелян¹⁹ И. Атаян²⁰ и другие) высказались очень достойно, продемонстрировав твердость убеждений и готовность продолжить борьбу. Встреча прошла довольно прохладно; мы не увидели ни понимания, ни сочувствия – все опять переводилось в плоскость социально-экономического развития НКАО. Лигачев не произвел на меня никакого впечатления, а разговор оставил неприятный осадок.

Тогда же состоялась моя первая встреча с Евгением Примаковым. Организовал ее друживший с Примаковым Константин Гейвандов²¹, работавший тогда в «Известиях». Встретились дома у Евгения Максимовича. В самом начале встречи Примаков спросил, готовы ли мы к откровенному разговору? Получив положительный ответ, он начал объяснять, что наилучшим выходом из сложившейся ситуации он считает особый автономный республиканский статус Нагорного Карабаха в составе Азербайджана. обстоятельно представив преимущества этого статуса, Примаков намекнул, что в случае нашего согласия азербайджанское руководство возражать не будет. Много лет спустя он рассказал о нашей встрече в своей книге воспоминаний: «Беседа была настолько непринужденной, что я сказал, не рискуя обидеть своих гостей: армяне исторически славились как ученые, негоцианты, деятели культуры и искусства, полководцы, но не политики. Может быть, поэтому были такие потери, как Западная Армения, отошедшая к Османской империи. Сегодня нужно быть очень зрелыми политиками. Максим Мирзоян склонялся к тому, что, возможно, на сегодняшний день статус автономной республики – наилучшее решение. Роберт Кочарян отпарировал: наш народ в Нагорном Карабахе этого не примет»²².

Это была моя первая поездка в Москву с начала карабахского движения, и я стремился провести ее с максимальной пользой. Официальной информации о происходившем в Карабахе почти не поступало, а та, что просачивалась, слабо отражала действительность. Мы постарались восполнить этот пробел, рассказывая правду как можно более широкому кругу людей, способных понять, услышать, оказать нам поддержку. Общались с людьми, имевшими влияние, – московскими армянами, которые занимали достаточно высокие позиции в ЦК и в разных органах власти. Встречались с представителями зарождавшихся тогда демократических движений. Мы пытались использовать все доступные ресурсы.

Из Москвы мы вернулись с убеждением, что власть не намерена решать нашу проблему, но зато увидели, что у нас в Москве много друзей и сторонников. Сдаваться мы не собирались, оставалось думать, что делать дальше, и наращивать давление.

Через неделю к нам приехала высокопоставленная делегация из ЦК, Совмина и Госплана, чтобы ознакомить руководителей области с проектом плана социально-экономического развития НКАО. Члены бюро обкома и облисполкома заявили, что народ требует другого решения и никто не верит в реализацию каких бы то ни было планов в составе Азербайджана. Делегация уехала ни с чем.

Через день, 17 марта, был созван Пленум обкома партии. Пленум принял решение просить Политбюро ЦК КПСС рассмотреть и положительно решить вопрос присоединения НКАО

---

¹⁷ Лигачев, Егор Кузьмич (род. в 1920 г.) – советский и российский государственный и политический деятель, секретарь ЦК КПСС в 1983–1990 годах. Член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 годах.

¹⁸ Мирзоян, Максим Михайлович (род. в 1947 г.) – начальник отдела Степанакертского производственного автотранспортного объединения. Председатель Степанакертского городского Совета народных депутатов. Был членом Национального Совета НКАО.

¹⁹ Орбелян, Сайда Михайловна – ткачиха, депутат Верховного Совета СССР 10 и 11-го созывов.

²⁰ Атаян, Иван Айрапетович (1931–1998) – заслуженный учитель СССР. Директор средней школы села Аветораноц в НКАО. Принимал активное участие в карабахском движении.

²¹ Гейвандов, Константин Ервандович – собкор газеты «Правда» на Ближнем Востоке.

²² Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. – М.: Центрполиграф, 2015.

к АрмССР. На этом же заседании освободили от занимаемых должностей секретарей обкома В. Богословского и Д. Мирзояна и на их место избрали Б. Малькова и В. Атаджаняна²³. Обком партии под руководством Г. Погосяна стал частью карабахского движения, продемонстрировав тем самым очередное проявление непокорности карабахцев. В ответ на него покатила новая волна антиармянских публикаций в центральных изданиях. Мы пытались нейтрализовать их воздействие, но тщетно: начиналась целенаправленная подготовка почвы для последующих решительных шагов. Особенно постаралась газета «Правда», опубликовав статью Овчаренко²⁴ «Эмоции и разум», в которой нас еще раз громко, на всю страну, назвали экстремистами.

Заседания органов власти – и центральной, и республиканской – следовали одно за другим.

23 марта Президиум Верховного Совета СССР принял решение «О мерах, связанных с обращением союзных республик по поводу событий в Нагорном Карабахе, Азербайджанской и Армянской ССР». Меры подразумевались простые и жесткие: в тот же день в область ввели десантные войска.

В ответ в Карабахе началась всеобщая забастовка.

24 марта вышло постановление Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР «О задачах по выполнению постановления Президиума Верховного Совета СССР от 23 марта 1988 года». Отдельным указом комитет «Крунк» объявлен распущенным, запрещено проведение несанкционированных митингов и демонстраций на всей территории НКАО.

Было очевидно, что власти не собираются с нами церемониться и от уговоров переходят к давлению и устрашению. Такой подход явно не вязался с заявленной руководством страны политикой гласности и демократизации. Все эти действия спровоцировали новую мощную волну митингов и демонстраций в Армении и привели к созданию комитета «Карабах». В его состав вошли будущие президент и премьер-министр Армении Левон Тер-Петросян²⁵ и Вазген Манукян²⁶. Сформировалась структура из сильных, революционно настроенных, романтических и прагматичных лидеров, обладающих незаурядным талантом публичных политиков.

Официальная власть в Армении теряла влияние с огромной скоростью. Чтобы остановить этот процесс, ЦК КПСС решил произвести кадровые перестановки и 21 мая освободил от занимаемых должностей первых секретарей ЦК Компартий Армении и Азербайджана Демирчяна²⁷ и Багирова. Вероятно, в Политбюро посчитали, что новые лица отвлекут и успокоят взбудораженные массы. Вместо Демирчяна назначили Сурена Арутюняна, личность незаметную и не сыгравшую никакой роли в те исторические дни. В Карабахе новость восприняли с ликованием: мы помнили и известное телеобращение Карена Демирчяна о том, что решение Облсовета НКАО от 20 февраля о присоединении к Армении противоречит интересам брат-

---

²³ **Атаджанян, Валерий Абгарович (род. в 1947 г.)** – советский партийный и армянский государственный деятель. В 1970–1980 годах работал в комсомольских органах, был первым секретарем Степанакертского горкома, первым секретарем Нагорно-Карабахского обкома комсомола. В 1980–1988 годах работал в аппарате ЦК КП Азербайджана: инструктором, инспектором отдела оргпартрabоты. В 1988 году был избран секретарем Нагорно-Карабахского обкома, а в 1989 году – первым секретарем Степанакертского горкома КПСС. Был заместителем председателя президиума Национального Совета НКАО. В 1995–1997 годах занимал должность заместителя министра иностранных дел НКР.

²⁴ **Овчаренко, Георгий Семенович** – специальный корреспондент газеты «Правда», соавтор нескольких резонансных и очевидно предвзятых статей на карабахскую тематику, в том числе и печально известной статьи «Эмоции и разум» (1988 год).

²⁵ **Тер-Петросян, Левон Акопович (род. в 1946 г.)** – армянский государственный и политический деятель, один из лидеров комитета «Карабах», первый президент Республики Армения (1991–1998 годы).

²⁶ **Манукян, Вазген Микаэлович (род. в 1946 г.)** – армянский государственный и политический деятель, один из лидеров комитета «Карабах». В 1990–1991 годах – председатель Совета Министров Армянской ССР и первый премьер-министр независимой Армении. В 1992–1993 годах – государственный министр, в 1993 году – министр обороны РА.

²⁷ **Демирчян, Карен Серобович (1932–1999)** – советский и армянский партийный и государственный деятель. Первый секретарь ЦК КП АрмССР (1974–1988 годы). Председатель Национального Собрания Армении (1999 год). Погиб во время теракта в Национальном Собрании Армении 27 октября 1999 года. Национальный Герой Армении.

ских народов, и то, что при нем власти Армении отказались принять Карабах в состав Республики.

Членов комитета «Карабах» в НКАО еще не знали, и я тоже не был с ними знаком. Но у нас появилась надежда на то, что теперь, с появлением новой влиятельной структуры, Армения и ее руководство станут больше поддерживать нас. Мы начали активно налаживать связи и взаимодействие с комитетом. Вскоре наши надежды оправдались. Под давлением десятков тысяч митингующих в Ереване Верховный Совет Армении был вынужден созвать сессию. Она длилась несколько часов, и все это время прямо перед зданием Верховного Совета шел многотысячный, очень эмоциональный митинг. При такой массовке добиться принятия нужных решений не составляло труда. 15 июня Верховный Совет Армении, ссылаясь на Конституцию СССР, проголосовал за включение НКАО в свой состав. Надо ли говорить, с какой радостью карабахцы восприняли это известие? Всех охватило мощное чувство полного единения Армении и Карабаха. Стало очевидно, что реальная власть в Армении уже принадлежит комитету «Карабах».

Но наша судьба решалась не в Армении.

18 июля Президиум Верховного Совета СССР в очередной раз рассмотрел обращения Еревана и Баку, заявил о «невозможности изменения территориальных границ между республиками» и принял постановление о сохранении НКАО в составе Азербайджана.

В Карабахе тут же возобновилась забастовка и началась новая волна непрерывных митингов.

* * *

Происходившее вызывало огромный интерес и в СССР, и за его пределами. Именно в тот период у нас появилось много друзей и в европейских странах. Можно сказать, мы обрели мировую славу: в Карабахе постоянно присутствовали журналисты из известных информационных агентств, печатных изданий, телеканалов; встретить в Степанакерте сотрудника *Le Monde* или ВВС было обычным делом. Приезжал со своей съемочной группой Генрих Боровик, снял фильм для российского телевидения, впервые адекватно показавший происходящее у нас. Прилетал и Андрей Дмитриевич Сахаров²⁸ – знаменитый ученый и правозащитник, который написал несколько писем Горбачеву в попытке убедить того услышать «ясно выраженную волю большинства населения автономной области».

Я оказался в гуще этих событий, активно работал с регулярно прибывающими в Карабах гостями: группами народных депутатов, делегированных к нам прямо с проходящего в тот момент съезда, представителями СМИ. Давал огромное количество интервью – все журналисты, которые тогда к нам приезжали, непременно хотели встретиться со мной. Им было интересно мое мнение – мнение человека, сделавшего партийную карьеру, и одновременно – одного из лидеров освободительного движения. К тому же я хорошо говорил по-русски, а образование и общая эрудиция позволяли мне достаточно широко смотреть на вещи, находить слова и аргументы, понятные любому собеседнику. Передо мной стояла очень конкретная задача: чтобы из этих многочисленных интервью как можно больше людей узнали правду о происходящем. Я хотел заявить всему миру о том, чего мы хотим, чего добиваемся. Было крайне важно максимально распространить информацию, потому что в СССР, несмотря на объявленную гласность, действовала цензура: в СМИ запрещались упоминания о Карабахе, не совпадающие с официальной точкой зрения.

---

²⁸ Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) – советский физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Общественный деятель, диссидент и правозащитник; народный депутат СССР, автор проекта конституции Союза Советских Республик Европы и Азии. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год.

Помимо журналистов в Степанакерте постоянно находились представители разных народных фронтов из Прибалтики, Украины, Молдавии. Идея об обретении собственной независимости была им близка, и они воспринимали происходившее в Карабахе как репетицию будущих событий в их странах.

Встречался я и с московской армянской интеллигенцией – в те годы в разных журналах Москвы работало много армян, большинство из которых были выходцами из Карабаха. Они активно помогали нам наладить первые контакты, устраивали встречи с имеющими влияние в ЦК людьми, а позднее и с народными депутатами СССР. Огромную роль в налаживании этих контактов, особенно с депутатским корпусом, сыграл Зорий Балаян – он обладал обширными связями с писателями и политиками. В основном мы встречались с людьми из демократического крыла: с Юрием Афанасьевым²⁹, Галиной Старовойтовой³⁰, Анатолием Собчаком³¹ и многими другими. С демократами было легче работать, они поддерживали нас. Мы приглашали депутатов к себе, чтобы дать им возможность увидеть все происходящее своими глазами и составить собственное мнение, и многие действительно приезжали. Мы устраивали для них встречи в коллективах, и, пообщавшись с людьми напрямую, наши гости понимали, насколько реальная картина отличается от той, которую пытались представить официальные источники.

Аркадий Вольский и его комитет

Впервые Вольского направили к нам в июле 1988 года представителем Политбюро ЦК. Уже в сентябре в Нагорном Карабахе ввели чрезвычайное положение и комендантский час, запретили проводить любые массовые мероприятия. Теперь в области постоянно присутствовали внутренние войска, численность которых, в зависимости от ситуации, колебалась от 8000–9000 до 10 000–12 000. Спустя всего несколько месяцев, в январе 1989 года, вышел указ Верховного Совета СССР о введении в НКАО режима особого управления³². Наши собственные местные органы – Областной совет народных депутатов и обком партии – упразднились, а власть передавалась Комитету особого управления. Возглавил комитет Аркадий Вольский³³.

Аркадий Иванович был личностью незаурядной. Умный, с прекрасным чувством юмора, он обладал мощной харизмой и невероятным обаянием, даже шармом. Его способность выстраивать контакт с любым собеседником, мастерство убеждать самых непримиримых оппонентов не могла не восхищать. Великолепный рассказчик – как он рассказывал анекдоты, обыгрывая и привязывая их к местным особенностям!

Комитет особого управления располагался в здании бывшего обкома. Кабинет Генриха Погосяна на третьем этаже теперь занимал Вольский. Там всегда было многолюдно: Аркадий Иванович любил общение и действительно искренне стремился нормализовать обстановку, не прибегая к жестким карательным мерам. Известно его решительное выступление на внеоче-

---

²⁹ **Афанасьев, Юрий Николаевич (1934–2015)** – советский и российский политик, историк. Ректор Московского государственного историко-архивного института, основатель, ректор и президент Российского государственного гуманитарного университета.

³⁰ **Старовойтова Галина Васильевна (1946–1998)** – российский политический и государственный деятель, специалист в области межнациональных отношений, правозащитница, кандидат исторических наук. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. Убита в Санкт-Петербурге 20 ноября 1998 года при не до конца выясненных до сих пор обстоятельствах.

³¹ **Собчак Анатолий Александрович (1937–2000)** советский и российский ученый-правовед, политический деятель. В 1989 году избран народным депутатом СССР. На первом съезде вошел в состав Верховного Совета СССР.

³² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.01.1990 г. № 1060-1 «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской области и некоторых других районах».

³³ **Вольский, Аркадий Иванович (1932–2006)** – советский и российский государственный и политический деятель. Член ЦК КПСС (1986–1991 годы). Депутат ВС РСФСР (1984–1986 годы). Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва (1986–1989 годы). Народный депутат СССР (1989–1991 годы). В 1988–1990 годах Аркадий Вольский возглавлял Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной областью.

редной сессии Верховного Совета СССР 1 декабря 1989 года, в котором он осудил антиармянскую пропаганду на бакинском телевидении.

Мы часто с ним встречались. Будучи политиком мудрым и опытным, Вольский понимал, что без сотрудничества с людьми, влияющими на процессы в Карабахе, он не выполнит стоящую перед ним задачу – всё и всех успокоить. Сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что он старался это делать с максимальной пользой для нас. Так, как он сам представлял себе эту пользу.

Работал Вольский много и энергично, постоянно проводил встречи с директорами предприятий, собирал партийно-хозяйственные активы. Не знаю, до какой степени искренне, но он делал вид, что со всеми советуется. С нами он вел себя дружелюбно, всячески демонстрируя, что желает нам добра, и в его поведении не было лицемерия, он действительно хотел, чтобы наши проблемы разрешились. Вольский хорошо разбирался в людях, умело использовал их сильные и слабые стороны, знал, как завоевать их лояльность. Его усилиями заметно улучшилось снабжение области, наши директора зачастили в Москву, чтобы напрямую договариваться с союзными ведомствами о фондах. Для командированных бронировали номера в известных гостиницах рядом с Красной площадью, и это не только повышало их самооценку, но и существенно улучшало отношение к Вольскому.

Иногда Аркадий Иванович с горящими глазами выдвигал невероятные, фантастически нереальные проекты по развитию Карабаха, что-то вроде Нью-Васюков. Призывал карабахцев предлагать свои идеи по социально-экономическому развитию области. Верил ли он в эти проекты сам, я не знаю, но энтузиазм у слушателей вызывал немалый. Иногда энтузиазм этот перехлестывал через край, да так, что даже сам Вольский диву давался. Помню, на очередной встрече Максим Мирзоян, в то время директор автобазы и один из активных участников движения, предложил выращивать в области чеснок. Мирзоян рисовал радужные картины: сыпал цифрами, сравнивал себестоимость производства с ценами на чеснок на севере СССР – словом, увлеченно доказывал, что этот товар с высокой маржинальностью совершит революцию в сельском хозяйстве области. Вольский с преувеличенным вниманием слушал его, а когда выступающий закончил, сделал паузу и с нарочитым воодушевлением сказал: «Максим, ну ты даешь!.. Аж яйца зачесались!» Мы долго смеялись. На Вольского никто не обижался.

Однажды к нам приехали японцы, изучавшие секреты долгожительства. Карабах тогда лидировал в СССР по числу долгожителей на душу населения, и у нас искренне верили, что один из секретов этого – карабахская тутовка. В наших деревнях старики привыкли начинать утро с рюмки тутовки, но при этом никто не спивался. Вольский сообщил всем, что японцы очень заинтересовались тутовкой и взяли ее с собой в Японию, чтобы изучить ее влияние на продолжительность жизни. Примерно через месяц на одной из встреч Вольский говорит, что уже получено заключение японцев о тутовке. Делает многозначительную паузу и заявляет: «Японцы уверены, что тутовка влияет на продолжительность жизни карабахцев. Если бы они ее не пили, то жили бы вдвое дольше!» Мне кажется, никаких японцев и не было, Вольский их придумал. Во всяком случае, я их не видел. Но точно знаю, что с первого же дня своего пребывания в Карабахе Аркадий Иванович пил только тутовку.

Как он умел говорить! Выступая перед аудиторией, с самой первой минуты Вольский полностью захватывал ее внимание. Его мягкий, обволакивающий, гипнотический голос завораживал слушателей: «Чтобы у вас не осталось никаких противоречий с Азербайджаном, надо на практике вывести Карабах из его подчинения. Вот мы потихонечку, не спеша, все это и делаем – переориентируем все предприятия на Москву, переподчиним их напрямую московским министерствам и фактически получим именно то, что вам и нужно!»

Увещевания подкреплялись конкретными делами: некоторые предприятия действительно переподчинили Москве, и для того времени это оказалось благом: появились фонды, началась поставка товаров, и все это – в условиях тотального дефицита! Вольский казался

очень убедительным, и часть директорского корпуса в какой-то момент и впрямь поверила, что его план может привести нас к решению проблемы.

Мой взгляд на происходившее не отличался оптимизмом: я считал, что мы должны наращивать давление и готовиться к худшим сценариям; что любое благодушие обернется нашим поражением. Ведь уже случились армянские погромы в Сумгаите, уже шла «дорожная война», и стычки с азербайджанцами стали делом привычным. Нас отделяла от Армении полная транспортная блокада, а комендантский час и блокпосты военных по всему Карабаху никак не настраивали на оптимизм. Я чувствовал, что центральную власть лихорадит, Москве не до нас и рано или поздно мы останемся один на один с Азербайджаном.

Я думаю, Аркадий Иванович, человек очень проницательный, хорошо понимал, что происходит в стране, но он не допускал и мысли о том, что всего через пару лет Советского Союза не будет. Мы часто спорили с ним – я стал одним из самых непримиримых его оппонентов. Но несмотря на то, что я активно сопротивлялся планам Вольского и серьезно мешал их реализации, у нас сложились теплые и дружеские отношения, которые и оставались такими до самой его смерти.

Со временем моя тревога переросла в предчувствие скорого распада Советского Союза. Надежда на помощь центральной власти исчезла окончательно.

Разрешить карабахскую проблему Комитет особого управления не смог, да это и не входило в его задачи. Вольский должен был выиграть время, отвлечь нас экономическими вопросами, снять напряжение, а процесс политического урегулирования затянуть и спустить на тормозах. В таком подходе я видел опасность – я понимал: чем дольше откладывается решение нашей проблемы, тем сложнее будет это сделать. Решать ее все равно придется, но уже в гораздо более тяжелых условиях.

К тому моменту Комитет особого управления полностью осуществлял все руководство областью. Создали комендатуру, комендантом особого района, как и начальником МВД, стал русский: руководителей всех силовых ведомств назначала Москва. Таким образом, нас полностью лишили легальных рычагов управления, которыми мы пользовались раньше, и вынудили создавать неформальные структуры. В условиях жестких ограничений режима чрезвычайного положения мы могли действовать только подпольно. Совет директоров, который стал руководящим органом движения вместо запрещенного «Крунка», к этому времени потерял свою «боеготовность». Многие его участники поверили в планы Вольского и активно сотрудничали с КОУ. Они увлеченно занимались хозяйственной деятельностью – выбивали себе фонды, руководили предприятиями, налаживали производственные связи, осваивали полученные из центра ресурсы. Словом, занимались именно тем, что подразумевали их должности. Пришло время отказаться от совета директоров: в его рамках стало гораздо сложнее обсуждать планы радикальных действий. Требовалась другая структура, способная вести и публичную, и подпольную деятельность.

Так возник «Миациум», или, по-русски, «Воссоединение».

«Миациум»

30 июня, выступая на центральной площади Степанакерта на многотысячном митинге, я объявил о создании «Миациума». Я написал устав, а через несколько дней на учредительной конференции был избран Совет «Миациума», в который вошли одиннадцать человек. Я стал его председателем, а Серж Саргсян³⁴ – моим заместителем. Формально «Миациум» объявлялся

---

³⁴ Саргсян, Серж Азатович (род. в 1954 г.) – армянский государственный, военный и политический деятель, третий президент РА. Один из лидеров Карабахского движения. В 1989–1993 годах руководил Комитетом сил самообороны НКР. В 1993–1995 годах был министром обороны РА. В 1995–1996 годах – начальник Управления государственной безопасности РА.

общественной организацией, но опубликованный устав лишь частично отражал то, чем мы в действительности занимались.

Это было очень сложное время. Конфликты национального характера по всему периметру НКАО и в населенных пунктах с этнически смешанным населением заметно участились. Армян уже изгнали из Шуши. Разгорались «дорожные войны»: проехать через азербайджанскую деревню на машине стало делом опасным, все пользовались объездными проселочными дорогами, а рейсовые автобусы сопровождали бэтээры. Все чаще звучали сводки о взорванных мостах, перестрелках, раненых и убитых. В деревнях формировались отряды самообороны, которые несли постоянные ночные дежурства по периметру села. Несмотря на присутствие в области многих тысяч военнослужащих, конфликт только усугублялся.

Запрещенные в условиях чрезвычайного положения митинги продолжались беспрерывно, и каждый из них завершался шествием вокруг города. Митинги не разгоняли – не стрелять же в людей, а специальных отрядов милиции, вооруженных резиновыми дубинками, тогда еще не было. Но, пытаясь остановить или хотя бы приглушить эту активность, власти начали применять другие меры: аресты лидеров движения, распространение порочащих их листовок, постоянные вызовы в комендатуру и всевозможные угрозы.

В помещении областной прокуратуры сидела специальная следственная группа Прокуратуры СССР, которая копала подо всех, и нас регулярно таскали туда на профилактические допросы. В то время могли задержать всего лишь за одно выступление на митинге, и мы жили в постоянной готовности к аресту. Все наши активисты по очереди побывали в Ростовской тюрьме: их имена были известны, и в комендатуре существовал целый список, которым пользовались коменданты. Вручали повестку, в ней – приказ явиться в комендатуру, а из комендатуры дорога лежала в Ростов. Могли арестовать и без всякой повестки: человек приходит домой, а там его уже ждут – забирают с порога и увозят на месяц... Был даже специальный рейс, работавший на Ростовскую тюрьму.

Расчет властей был прост: устроить лидеров и обезглавить движение. Они хотели заставить людей, от которых что-то зависело, к которым прислушивались, которые активно участвовали в процессе, организовывали акции и выступления, прекратить свою деятельность. Однако жесткая политика силовых структур почти не повлияла на ход событий; да, некоторые поддались страху, но большинство наших активистов относились к арестам философски и даже с юмором. Вернувшиеся из Ростова при встрече рассказывали смешные истории о своих приключениях. Мало кто после тюрьмы переставал заниматься тем, за что его туда отправили. Да и относились к задержанным в Ростове нормально: не было побоев и издевательств, ростовские милиционеры не проявляли враждебности. Гораздо хуже приходилось тем, кто оказывался в азербайджанских тюрьмах.

Довелось побывать в Ростовской тюрьме и Аркадию Гукасяну³⁵, главному редактору газеты «Советский Карабах». Хоть он и не выступал на митингах, но писал весьма острые статьи. За одну из них, осуждавшую организаторов и исполнителей армянских погромов в Баку, в январе 1990 года его арестовали и отправили в Ростов на стандартные тридцать суток. Одновременно с ним попал в заключение наш начальник дорожно-строительного управления, Ролес Агаджанян³⁶. Вернувшись, Аркадий заявил, что провел незабываемый месяц в прекрасной

затем министр национальной безопасности РА. В 1996–1999 годах – министр внутренних дел и национальной безопасности РА. В 1999–2007 годах – секретарь Совета национальной безопасности при президенте РА. В 2000–2007 годах – министр обороны РА. 4 апреля 2007 года назначен премьер-министром Республики Армения. На президентских выборах 2008 года Серж Саргсян избран президентом Республики Армения. Герой Арцаха.

³⁵ **Гукасян, Аркадий Аршавирович (род. в 1957 г.)** – армянский государственный и политический деятель, один из лидеров Карабахского движения. Министр иностранных дел (1992–1997 годы) и второй президент Нагорно-Карабахской Республики (1997–2007 годы). Герой Арцаха.

³⁶ **Агаджанян, Ролес Георгиевич (1947–2014)** – в 1988–1992 годах активный участник Карабахского движения. Член комитета «Крунк», организации «Миацум», член президиума Национального совета, штаба обороны НКР. В 1990–1995

компании интеллигентных людей. Для него, прирожденного рассказчика с незаурядным чувством юмора, тюремные заключения стали очередным источником веселых историй и анекдотов.

Сложнее пришлось Аркадию Манучарову. В конце ноября 1989 года его арестовали по сфабрикованному обвинению в хозяйственных преступлениях. В тюрьме он провел чуть меньше года. Сначала его пытались схватить в Степанакерте, но ему чудом удалось ускользнуть от спецназа внутренних войск. Друзья помогли Аркадию перебраться в Армению, но там его все-таки нашли, думаю, не без помощи КГБ Армении, и задержали. Административным арестам подверглись несколько десятков представителей интеллигенции, директоров, преподавателей вузов.

И в этой ситуации «Миациуму» предстояло взять на себя ответственность за продолжение борьбы в публичной плоскости.

Теперь мы в большей степени опирались на людей, не занимавших заметные должности, – на тех, кто не был на виду, и это позволяло нам действовать намного свободнее. В организацию вошла специальная рабочая группа, которую я создал раньше. Она состояла из сотрудников разных предприятий Степанакерта, а руководил ею Рафик Габриелян, начальник цеха мебельной фабрики. Члены группы распространяли листовки, мобилизовали людей на митинги и шествия, разъясняли в коллективах текущую ситуацию и предстоящие задачи. Вскоре к листовкам добавилась газета «Миациум», которую мы начали выпускать. Я никогда не предполагал, что стану редактором подпольного издания! В типографии мы, конечно же, нашу газету печатать не могли, поэтому использовали ксерокопирование.

Люди откликались на наши призывы массовым участием во всех акциях протеста, которые мы устраивали. Еженедельно мы проводили запрещенные массовые митинги, за каждым из них следовали аресты выступавших, но для следующих митингов мы находили новых ораторов. Эта живая ежедневная, кропотливая и небезопасная работа велась в сложных условиях: в НКАО по-прежнему действовали чрезвычайное положение и комендантский час.

Безопасность под вопросом

В августе 1989 года в Кировакане я занял место выбывшего депутата Верховного Совета Армянской ССР 11-го созыва, а в феврале 1990 года стал членом Президиума ВС Армении. Парламент в то время не был постоянно действующим органом, но это не умаляло депутатского статуса. Депутатом меня избрали почти без моего участия, по инициативе кироваканских активистов: я не вел никакой предвыборной деятельности и даже на встречу с избирателями приехал лишь однажды, по их настоятельной просьбе.

Кстати, это стало первым случаем в нашей истории, когда депутатом от Армении был избран житель Карабаха. Тогда между нами и Арменией существовала очень тесная эмоциональная связь. Мы походили на два сообщающихся сосуда: обо всем происходившем в Карабахе сразу же узнавали в Армении, а все новости из Армении тут же становились известны в Карабахе. Мое имя было на слуху и становилось все более популярным. Организация митингов в Карабахе, постоянные выступления, поездки в Москву, серия интервью различным изданиям – все это способствовало моей известности, в том числе и в Армении. Армянские журналисты постоянно снимали все, что у нас происходило, и транслировали в новостях.

Если я приезжал в Армению, меня везде узнавали, даже прохожие на улице. Знали по именам и в лицо едва ли не всех наших активистов: Аркадия Манучарова, Зория Балаяна, который жил в Ереване, Бориса Дадамяна³⁷, народного депутата СССР, Жанну Галстян³⁸ и

годах – депутат Верховного совета РА. В годы войны – начальник инженерной службы Армии обороны НКР.

³⁷ Дадамян, Борис Вартамович (1926–2004) – начальник Степанакертской автобазы и генеральный директор Степа-

многих других. Люди подходили, здоровались, им хотелось познакомиться, пообщаться, спросить – особенно карабахцев. Тогда еще не началась война, но уже появилось ощущение, что в Карабахе происходят важные события национального масштаба – и вот приехали люди из эпицентра этих событий, которые несут на себе всю их тяжесть...

Точно такой же популярностью пользовались у нас лидеры комитета «Карабах»: Левон Тер-Петросян, Вазген Манукян, Ашот Манучарян³⁹ и все остальные – благодаря активной публичной деятельности они быстро приобрели всеобщую известность.

Второй раз меня избрали в ВС АрмССР 12-го созыва в мае 1990 года от того же избирательного округа, и выборами занималась та же команда. Но тогда уже четырнадцать представителей Карабаха стали депутатами парламента Армении: двенадцать в округах, образованных в Карабахе, а я и Аркадий Манучаров – в Армении. Манучаров тогда находился под арестом и при этом был избран депутатом в Чаренцаване.

Я благодарен ребятам из Кировакана за то, что они тогда сделали. Депутаты республиканских Верховных Советов пользовались депутатской неприкосновенностью на всей территории СССР. Это не было мотивом моего избрания, но стало чрезвычайно важным обстоятельством, позволившим мне эффективнее бороться за будущее Карабаха. Меня постоянно вызывали в комендатуру повестками, но я ни разу туда не явился. Официально арестовать меня не могли, сфабриковать злоупотребления – тоже: какие злоупотребления у секретаря парткома комбината? Поэтому и в Ростовскую тюрьму я ни разу не попал. Я понимал, что военные могут незаконно задержать меня и передать Азербайджану, поэтому мне, как и многим из нас, приходилось носить с собой оружие и менять места ночевки.

Ситуация постепенно ухудшалась, и на первый план вышли вопросы безопасности. Самой главной задачей стало формирование собственных вооруженных структур, которые могли бы защитить армянское население области уже не просто от стычек с азербайджанцами, а от беспредела отрядов ОМОН, дислоцированных по всем азербайджанским селам. Эти группировки состояли из местных боевиков, которых одели в милицескую форму, дали им боевое стрелковое оружие и разрешили его применять. Рассчитывать на защиту союзных войск не приходилось; азербайджанские вооруженные формирования вдруг стали считаться законными, в отличие от наших отрядов самообороны. К тому же на азербайджанцев работали их близкие отношения с комендантом района чрезвычайного положения.

Наше ополчение состояло из локальных отрядов, вооруженных в основном охотничьими ружьями, а иногда – старыми карабинами. В какой-то момент появилось самодельное оружие, отличавшееся очень низким качеством, – в Армении возник массовый порыв, и все вдруг стали оружейными мастерами. Взаимодействие велось лишь между защитниками соседствующих деревень, общая координация почти отсутствовала.

Требовалось все перестраивать: создавать новые мобильные отряды, координировать их деятельность в масштабах области, вооружать. Мы понимали, что охотничьи ружья нас не защитят.

накертского производственного автотранспортного объединения. В 1989 году был избран депутатом ВС СССР. Был членом Национального Совета НКАО.

³⁸ **Галстян, Жанна Георгиевна (род. в 1947 г.)** – актриса Степанакертского государственного драматического театра им. В. Папазяна, активная участница Карабахского движения. Герой Арцаха.

³⁹ **Манучарян, Ашот Гарникович (род. в 1954 г.)** – армянский политический и государственный деятель. Член комитета «Карабах». С мая по ноябрь 1991 года исполнял обязанности министра внутренних дел Армении. В 1991–1993 годах – советник президента по вопросам национальной безопасности.

* * *

С лидерами комитета «Карабах» у меня с самого начала сложились хорошие отношения – и рабочие, и дружеские. Теперь комитет уже стал реальной силой в Армении. Позже, в ноябре 1989 года, он переоформился в АОД⁴⁰, и меня избрали в состав Правления, правда, узнал я об этой новости из газет.

На митинги АОДа собирались десятки, а иногда и сотни тысяч людей. Они могли заставить руководство страны принимать решения, идущие вразрез с командами из Москвы. По влиянию на общество АОД фактически уже являлся альтернативной властью.

Начались мои поездки в Ереван: мы старались наладить необходимое взаимодействие как с комитетом «Карабах», так и с другими партиями и организациями. Координацией вопросов безопасности в АОДе тогда занимался Вазген Манукян, а позже подключился и Вазген Саргсян⁴¹. Ситуация в НКАО становилась настолько сложной, что мы уже не просто просили – мы требовали у Армении оружие и боеприпасы. Прямых контактов с первыми лицами властей у меня в то время не было, и работа шла по неформальным каналам. Вопрос собственной безопасности с каждым днем становился для Армении все актуальнее: уже начались стычки на границе с Азербайджаном.

Помогали нам все, кто имел хоть малейшую возможность, даже милиция, в обход руководства республики: у одного дома спрятан карабин, у другого есть полезные связи, третий исхитрился раздобыть пару автоматов – все переходило в наше распоряжение. Выходцы из Карабаха, давно живущие в Ереване, сделавшие там карьеру и занимавшие солидные должности, использовали все свои связи, чтобы помочь. Для них это означало безопасность родной деревни, родственников; они на свои деньги покупали и привозили оружие. Вообще в тот период приехать в Карабах и не привезти с собой что-то для отряда самообороны считалось непростительным грехом. А чем сильнее расшатывался Советский Союз, тем проще становилось достать оружие у военных. Начались захваты оружия и боеприпасов, иногда реальные, иногда инсценированные, – тогда уже продавалось все.

Для переброски вооружения из Армении мы использовали вертолеты. Садись они чаще всего в лесу чуть выше села Колатак, реже – у сел Ванк и Атерк. Основная площадка располагалась возле Колатак, в невероятно живописном месте долины реки Хачен. Чуть дальше этого села мягкий альпийский пейзаж сменяется более суровым, но тоже очень интересным и необычным: горы становятся высокими и скалистыми, и причудливые скалы напоминают громадные торчащие вверх редкие зубы. Когда-то, еще в советское время, это было одно из моих самых любимых мест. Я часто приезжал сюда поохотиться и порыбачить, один или с друзьями. Ставили палатки, ловили рыбу в речке. Речка кишела рыбой, хоть и некрупной: два-три человека за пару часов могли легко наловить полное ведро на самую обычную удочку. Сюда же лет с пяти-шести я водил и старшего сына, и ему очень нравилось ночевать в палатке. Сейчас, несмотря на войну, рыба в этой реке плескалась по-прежнему, только нам было не до рыбалки.

Мне часто приходилось летать в вертолетах, где были военные грузы. Во время одной из таких поездок со мной в вертолете сидели еще несколько сельских жителей с довольно увеси-

---

⁴⁰ АОД – политическая партия «Армянское Общенациональное Движение» либерально-демократического толка. В 1990–1998 годах – правящая партия в РА.

⁴¹ Саргсян, Вазген Завенович (1959–1999) – армянский государственный, военный и политический деятель, первый министр обороны (1991–1992 годы) независимой Армении. Один из организаторов Карабахского движения. В 1990–1992 годах – командир добровольческих отрядов самообороны «Еркрапа» («Защитники Отечества»). В 1993–1995 годах занимал пост государственного министра по координации силовых структур. В 1995 году вновь назначен министром обороны. В мае 1999 года назначен премьер-министром Армении. Погиб во время теракта 27 октября 1999 года в здании парламента. Национальный Герой Армении, Герой Арцаха.

стыми тюками. Перегруженная машина стала терять высоту над Кельбаджаром, и пилоту пришлось посадить, а точнее, почти уронить ее прямо на узкое горное плато. Чтобы лететь дальше, требовалось срочно облегчить вертолет. Помню, как с трудом оторвал одного из мужчин от мешка муки, который тот обнимал изо всех сил. Половину тюков и ящиков вывалили на снег, вертолет снова взлетел и взял курс на Колатак. Высадив там пассажиров, он вернулся и забрал груз, предназначенный для отрядов самообороны.

* * *

Важную роль в организации сил самообороны сыграла в те годы партия «Дашнакцутюн»⁴². Настроенная на вооруженную борьбу, она активно создавала в Карабахе партийные структуры и собственные отряды, которые позднее сольются в отдельный батальон в составе Армии обороны НКР. К батальону навсегда приклеится название «дашнакский». Все действия дашнаков велись в свойственной партии атмосфере секретности с элементами фидайского⁴³ романтизма – клятвой на оружии, уставе и гербе партии, и вплоть до конца 1991 года партия избегала публичной активности.

По мере того как отрядов и оружия становилось больше, росла необходимость координации военных поставок и деятельности отрядов. Требовалось упорядочить все вопросы, касающиеся безопасности. Тогда мы создали нечто вроде координационного совета, в который вошли я, Серж Саргсян, Самвел Бабаян⁴⁴, а от партии «Дашнакцутюн» – Георгий Петросян⁴⁵, Жанна Галстян и Валера Балааян⁴⁶. Работали слаженно, раз в неделю встречались, обсуждали ситуацию и намечали дальнейшие действия. В то время между нами не возникало особых противоречий. Всем этим мы занимались в рамках «Миацума» вплоть до 1990 года, хотя формально я продолжал оставаться секретарем парткома – от этой должности меня никто не освобождал.

Но «Миацум» являлся общественной организацией, как и его предшественник – совет директоров. Структуры власти НКАО были распущены центром. Мы понимали, что нужно создавать орган, который олицетворял бы целостность Нагорного Карабаха и имел право говорить и принимать решения от имени области. И уже через месяц после создания «Миацума» мы начали большую организационную работу по учреждению Национального совета НКАО, которая завершилась 16 августа 1989 года съездом представителей населения области. Кстати, в нашей истории нечто подобное – создание народного совета – уже случалось в 20-е годы. Сейчас все происходило по тому же принципу: все административные единицы Карабаха, все районы, город Степанакерт делегировали своих представителей на народный съезд, ставший аналогом Совета народных депутатов. На съезде избрали Национальный совет из восьмиде-

---

⁴² АРФ «Дашнакцутюн» – социалистическая партия «Армянская Революционная Федерация». Одна из старейших в истории армянской политической жизни (осн. в 1890 году).

⁴³ Фидайн (арм.) – партизан.

⁴⁴ **Бабаян, Самвел Андраникович (род. в 1965 г.)** – карабахский военный и государственный деятель, министр обороны НКР. С марта по август 1992 года – член Комитета самообороны при совете министров НКР, заместитель командующего силами самообороны НКР. В 1992–1993 годах – первый заместитель, затем исполняющий обязанности председателя Комитета самообороны НКР. С ноября 1993 года по декабрь 1999 года – командующий Армией обороны НКР. В 1995–1999 годах – министр обороны НКР. 20 сентября 1996 года ему присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

⁴⁵ **Петросян, Георгий Михайлович (род. в 1953 г.)** – армянский государственный и политический деятель, один из активных участников Карабахского движения. В 1990–1995 годах – депутат Верховного совета Армении, член постоянной комиссии по вопросам прав человека. В 1992 году – заместитель председателя Верховного совета НКР, затем исполняющий обязанности председателя. С декабря 2005 года по 2007 год – министр иностранных дел НКР.

⁴⁶ **Балааян, Валерий Левонович (род. в 1956 г.)** – активный участник Карабахского движения. Инженер Степанакертского технического управления эксплуатации связи, инженер-энергетик Управления водного хозяйства. В 1992–1995 годах – член Президиума ВС НКР.

сяти человек, и двадцать человек вошли в Президиум. Председателем стал Вачаган Григорян⁴⁷, народный депутат СССР от НКАО. Выбор пал на него не случайно. Мы заранее подстраховывались: если власти вдруг пришла бы в голову идея арестовать председателя Национального совета, его депутатский статус не позволил бы это сделать. Я стал членом Президиума.

Не могу сказать, что Национальный совет заработал в полную силу именно как областной орган исполнительной власти. Скорее, через него мы выступали с различными политическими заявлениями. Наиболее значимым событием с его участием стало совместное заседание ВС Армении и НС Нагорного Карабаха, на котором было принято решение о присоединении НКАО к Армянской ССР. Произошло это в Ереване 1 декабря 1989 года, сразу после отпуска комитета Вольского. Мы понимали, что упразднением КОУ Москва умывает руки, и видели противовес ожидаемым репрессиям Баку в нашем единстве с Арменией. Я помню, как в составе делегации Национального совета Карабаха с трудом продирался сквозь огромную массу людей, собравшихся у места заседания в Ереване. Когда нас узнавали, люди тут же создавали коридор и – скандируя «Карабах, Карабах» – провожали нас во дворец. Это было очень яркое, запоминающееся эмоциональное событие – оно демонстрировало энергию национального единения с Арменией.

Очень скоро, когда начнет работать Азербайджанский оргкомитет по Карабаху, наступит совсем другой, гораздо более тяжелый период, и тогда именно в Национальном совете мы сконцентрируем реальную власть. Но, пока это время еще не наступило, в Арцахе параллельно действовали Национальный совет и Комитет особого управления – официальная власть уходящих Советов и власть неофициальная, стремившаяся защитить свою страну и обеспечить выживание ее народа.

Комитет особого управления упразднили 28 ноября 1989 года. Главной причиной его роспуска стало давление на союзную власть со стороны Азербайджана, который не мог смириться с существованием комитета. Азербайджан настаивал, что действия КОУ абсолютно неприемлемы, и обвинял Вольского в потакании сепаратистам – руководство республики считало, что именно он препятствует силовому подавлению Арцаха. В результате Азербайджан добился своего – вероятно, в Политбюро существовали разные точки зрения на происходившее, и в какой-то момент победило консервативное крыло. Возможно, слабеющая центральная власть просто уступила давлению Азербайджана и избавилась от Комитета особого управления. Был создан так называемый Республиканский комитет по НКАО, призванный заменить КОУ. Его возглавил второй секретарь ЦК КП Азербайджана Виктор Поляничко⁴⁸.

И началось самое кошмарное время.

---

⁴⁷ **Григорян, Вачаган Сантурович (1935–1991)** – первый секретарь Аскеранского (1978–1988 годы) и Мартунинского (1988–1990 годы) райкомов партии, заместитель председателя облисполкома (1990 год). Первым среди руководящих работников Арцаха был вовлечен в национально-освободительное движение. В августе 1989 года съезд уполномоченных представителей населения НКАО избрал его председателем Национального Совета НКАО. В 1989 году был избран народным депутатом ВС СССР от Мартунинского и Гадрутского районов.

⁴⁸ **Поляничко, Виктор Петрович (1937–1993)** – советский и азербайджанский партийный и государственный деятель. В 1988–1991 годах – второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана. С 1990 года был руководителем так называемого Оргкомитета по Нагорному Карабаху.

Глава 7 Партизанская война

Каратели

После армянских погромов в Баку в январе 1990-го и ввода туда советских войск стало очевидно, что резня в Сумгаите не просто роковая случайность и наши народы совместно проживать в обозримой перспективе не смогут. Армяне спешно покидали Азербайджан, а азербайджанцы – Армению. Ручьи становились потоками.

Москва, видимо, осознала, что не владеет ситуацией и не сможет обеспечить безопасность людей, и фактически отдала на откуп Азербайджану армянское население маленькой непокорной автономной области. Другими словами, согласилась на управляемые этнические чистки. Депортация армян из Геташена и Мартунашена в марте того же года проходила уже при участии ВВ МВД СССР.

Это было очень тяжелое время – психологически даже тяжелее, чем более поздний период масштабной войны, которая развернулась после развала Советского Союза. Во время войны, по крайней мере, твердо знаешь, с кем и почему воюешь, и ясно понимаешь, что это единственный способ выжить и не стать беженцем. При Поляничко Азербайджан стал методично сгонять армян с их земель, прикрываясь внутренними войсками МВД СССР. Теперь наше сопротивление приводило к столкновениям уже не только с азербайджанским ОМОНОм, но и с союзными войсками. Весь 1990 год состоял из череды драматических событий, вопивших о грядущем развале великой страны.

Но – попробую по порядку.

Аркадий Иванович улетел в Москву. Мы тепло попрощались с ним, не зная, что в Карабах он больше не вернется и что судьба Комитета особого управления уже предрешена. Вместо него создали новый Республиканский оргкомитет, который возглавил второй секретарь ЦК КП Азербайджана Виктор Поляничко (тогда во всех республиках СССР вторыми секретарями ЦК назначались русские).

Поляничко был ставленником Азербайджана, новый комитет подчинялся республиканским властям и создавался для того, чтобы «бороться с армянскими националистами-экстремистами», что для Баку означало – со всеми армянами Карабаха.

Это был инструмент, с помощью которого Азербайджан собирался сломить нашу волю и сохранить НКАО в своем составе как территорию. И желательно без армян, как выяснилось позже.

Название «комитет» лишь создавало иллюзию коллегиальности. На деле был создан карательный орган, где Поляничко с энтузиазмом взял на себя роль палача. Все силовые структуры передали в его ведение. Фактически ему подчинялись даже дислоцированные у нас советские войска – через комендатуру района, которая отвечала за соблюдение режима чрезвычайного положения. Это полностью изменило их поведение: они начали действовать как оккупанты. Никаких личных обид в наш адрес военнослужащие не испытывали, но с их стороны появилась откровенная враждебность. Соответствующим образом изменилось и наше восприятие этих войск.

Вновь созданный комитет запретил деятельность последних из оставшихся у нас собственных органов власти: областного и районных советов народных депутатов, всех партийных и общественных организаций по всей области. Исключением был Шушинский район, где все конституционные органы сохранились: большинство населения района составляли азер-

байджанцы, и их запрет не коснулся. Более того, в азербайджанских селах партийные организации не только не упразднили – им дали дополнительные права. Некоторые приравнивали по статусу чуть ли не к райкомам партии.

География территорий, на которых действовало чрезвычайное положение, расширилась. Теперь она охватывала не только всю Нагорно-Карабахскую область, но даже смежные армянские и азербайджанские районы. В самом Степанакерте ужесточился режим ЧП: закрыли драматический театр, все кинотеатры, музеи; запретили проведение спортивных и развлекательных мероприятий – даже в дни государственных праздников. В январе 1990-го приказом коменданта района чрезвычайного положения была запрещена деятельность движения «Миациум». Комендантский час стал гораздо строже, теперь нельзя было не только появляться на улице, но даже собираться во дворах – тут же раздавались грозные окрики солдат, патрулирующих улицы: «Армяне! По домам!»

За соблюдение режима ЧП отвечала комендатура района, ей подчинялись подразделения внутренних войск МВД СССР, туда же входили отряды особого назначения – Азербайджан создал свою огромную армию ОМОН. Отряды разместили в каждом азербайджанском селе внутри Карабаха – по большей части это были местные жители, которым выдали милицейскую форму и оружие и платили зарплату.

Представьте себе две деревни рядом: одна азербайджанская, другая наша. Их деревню охраняет хорошо вооруженный отряд ОМОНа человек под восемьдесят; в армянской – лишь несколько человек ополчения с охотничьими ружьями. Условия были абсолютно неравными. В этот период заметно участились нападения, грабежи, угон скота из армянских сел. И это не совпадение. Действуя от имени республиканских властей, омовцы – в форме, при оружии, с милицейскими удостоверениями – не стесняясь совершали против армян преступления, которые прикрывались всей правоохранительной системой Азербайджана. Именно поэтому азербайджанский ОМОН стал основной целью военных операций армянского подполья того периода.

Кольцо блокады вокруг области стремительно сжималось. Нас пытались отрезать уже не только от Армении, но и от всего остального мира. Было перекрыто железнодорожное сообщение: сначала прекратились пассажирские перевозки, а вскоре встали и грузовые. Еще недавно до Еревана можно было добраться на машине, пусть и в сопровождении военного конвоя, – теперь автомобильные дороги были заблокированы. Начались перебои с продовольствием, промышленными товарами, топливом.

Под прикрытием внутренних войск власти взяли под полный контроль Степанакертский аэропорт – последнюю транспортную связь с Арменией для населения области. Количество авиарейсов из Степанакерта резко сократилось, в аэропорту постоянно дежурил ОМОН. Любая поездка в Ереван самолетом для молодых парней могла закончиться их арестом. Велась осознанная политика, направленная на окончательное закрытие аэропорта: прилегающее азербайджанское село Ходжалу под предлогом размещения бежавших из Средней Азии турок-месхетинцев застраивали вплоть до самого летного поля – так, чтобы аэропорт стало нельзя использовать из-за опасной близости к жилым домам. В строительство вкладывались огромные средства.

Область закатывали в полную изоляцию, и единственное, что у нас осталось для связи с внешним миром, – это вертолеты.

* * *

В Степанакерте на центральной площади по сей день есть два правительственных здания. Они стоят рядом – буквально в сотне метров друг от друга. В одном из них сейчас находится

президентская резиденция, а во втором заседает правительство Нагорного Карабаха. В советское время это были здания обкома партии и Областного совета народных депутатов.

Республиканский оргкомитет расположился там же, где до этого был комитет Вольского – в помещении бывшего обкома, а в соседнем здании продолжал как ни в чем ни бывало работать упраздненный исполком Областного совета. Должность председателя исполкома занимал Леонард Петросян⁴⁹, а пост его первого заместителя – Олег Есаян⁵⁰. Так и существовали параллельно две власти: одна – упраздненная ими, вторая – категорически не признаваемая нами.

Никто из нас в здание, где сидел оргкомитет, никогда не ходил; они к нам тоже. Коменданты несколько раз пытались установить между нами контакт, но безуспешно: Поляничко и его «комитет» представляли враждебную нам сторону, мы воспринимали их как врагов, они платили нам взаимностью. Здание обкома обнесли по всему периметру колючей проволокой, установили усиленные блокпосты, нагнали спецназ. Вся территория находилась под тщательной круглосуточной охраной, пройти можно было только по специальным пропускам. Они сидели в полнейшей изоляции – в город выходить опасались, приезжали и уезжали под прикрытием бронетехники. Там, в этом здании за колючей проволокой, вынашивались все планы по подавлению национально-освободительного движения армян Нагорного Карабаха.

В то время приняли массовый характер операции по «проверке соблюдения паспортного режима в районе ЧП». Эти операции разрабатывались комендатурой по приказу оргкомитета, а осуществлялись силами внутренних войск и ОМОНа. По сути это были просто облавы: окружали село, обыскивали все дома, проверяли жителей – искали оружие и боевиков. Проверки, разумеется, касались исключительно наших населенных пунктов: подразумевалось, что боевики могут быть только армянские. Вот данные из сводок МВД того периода, которые приводит в своей книге «Мятежный Карабах» Виктор Кривоусков – офицер, служивший в те годы начальником штаба следственно-оперативной группы МВД СССР в НКАО:

В 1990 году проведено 160 оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима и выполнению Указа Президента СССР от 25 июля 1990 года «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случае его незаконного хранения». Из них 156 – в городах и селах, где живут только армяне.

Каждая такая операция заканчивалась массовыми арестами – оснований для них не требовалось. Задержанными оказывались, как правило, случайные люди, не имевшие никакого отношения к отрядам самообороны: бойцы наших отрядов понимали, что их ищут, вели себя очень осторожно и попадались гораздо реже.

Арестованных обычно передавали правоохранительным органам Республики, и в итоге все они оказывались в азербайджанских тюрьмах, лишены каких-либо прав на защиту. К этому моменту национальная вражда и взаимная ненависть достигли такого накала, что тюремщики просто вымещали свою злость на задержанных, и армяне, попадавшие туда, неминуемо

---

⁴⁹ **Петросян, Леонард Георгиевич (1953–1999)** – армянский государственный деятель. В сентябре 1991 года был избран председателем Областного совета НКАО. В 1992–1994 годах – заместитель, затем начальник Госуправления специальных программ РА. В 1995–1998 годах – премьер-министр НКР. В 1998–1999 годах – заместитель министра обороны Армении. С июня по октябрь 1999 года – министр по оперативным вопросам Армении. Погиб во время теракта 27 октября 1999 года в здании Национального Собрания Армении.

⁵⁰ **Есаян, Олег Есаянович (род. в 1946 г.)** – армянский государственный деятель, один из активных участников Карабахского движения. В 1989 году был заведующим социально-экономическим отделом Комитета особого управления (КОУ) НКАО, в 1991 году – начальником Планово-экономического управления и первым заместителем председателя исполкома областного совета НКАО. В январе – августе 1992 года был председателем Совета Министров НКР. В 1997–2005 годах – председатель парламента НКР.

подвергались насилию и издевательствам. (Была, впрочем, и еще одна причина, стимулировавшая массовые аресты, – деньги: из родственников арестованного часто вымогали выкуп.)

В этот же период комендатура ужесточила контроль за дорогами внутри НКАО. Повсюду расставили блокпосты, и объехать их даже по сельским дорогам стало непросто. Чтобы свободно передвигаться, незаметно перебрасывать людей, оружие, мы построили огромное количество своих внутренних дорог в объезд азербайджанских сел и блокпостов. Брали за основу заброшенные проселочные дороги, а где их не было, пробивали новые, расчищая и утрамбовывая непроходимые участки тракторами. Фактически мы покрыли область альтернативной дорожной сетью, благодаря которой теперь могли доехать из Степанакерта до Гадрута – самого дальнего райцентра, не попав ни на один блокпост.

В ответ военные изменили тактику: стали размещать передвижные блокпосты, пытаясь каждый раз устраивать засады в новых, неожиданных местах, – но и этот прием быстро перестал работать. Небольшой Карабах населен довольно плотно, и, если где-то местные жители замечали, что через деревню едет БТР, да еще в сопровождении уазика, это сразу вызывало подозрение: куда едет? Зачем? Ага: поставили пост! Так что новость мгновенно разлеталась по всем дворам, и уже через несколько минут на дорогах всех проезжающих предупреждали о засаде. Те, в свою очередь, понимая, что передвижение военных ничего хорошего армянам не сулит, спешили распространить информацию дальше по всей области, и заставить врасплох наши отряды было нелегко.

Законы партизанской войны работали на нас: мы находились в среде, которая полностью нас поддерживала, а для них была враждебной. Это давало нам огромное преимущество.

Друзья и враги

Чтобы противостоять нарастающему давлению, мы старались не только наращивать наши военные возможности, но и минимизировать потери, устанавливая контакты и налаживая сотрудничество с военными. С некоторыми комендантами районов и старшими офицерами внутренних войск у нас складывались хорошие отношения. Союзные войска были направлены к нам в горячую точку по долгу службы – причин для враждебности ни у них, ни у нас не было. Военные прекрасно понимали, что у нас находятся временно – каждые полгода их меняли; видели они и то, что в стране царит полный бардак – Советский Союз катится к распаду. Проявлять особенное служебное рвение в такой ситуации не было никакого смысла: зачем наживать себе врагов среди людей, против которых ты лично ничего не имеешь и которые способны тебе отомстить, если можно – и проще – спокойно отслужить свой срок и через шесть месяцев вернуться домой. Немало военных, особенно из среднего звена, относились к нам с искренней симпатией, сопереживали, стремились помочь. Действия и решения оргкомитета они в душе не поддерживали, а кто-то даже старался им препятствовать по мере своих возможностей.

Одним из первых силовиков, с кем у нас установился хороший контакт, был Концевенко, возглавивший областной КГБ. Он повел себя порядочно по отношению к нам с самого начала. Первым с ним сблизился Леонард Петросян. Присмотрелся – вроде человек адекватный, никакого предубеждения против нас не имеет, напротив, демонстрирует лояльность. Через Леонарда договорились с ним о встрече, причем инициатором выступил сам Концевенко. Я поначалу даже отнесся к этому с некоторым подозрением.

За чертой города у нас стояли павильоны, куда в обычное время люди приезжали поесть шашлык, посидеть за беседой, просто отдохнуть... В одном из таких павильонов мы и встретились. Концевенко сразу сказал: «Ребята, я сюда не напрашивался – судьба занесла. Действовать против вас я совершенно не хочу. Готов вас поддерживать – вы мне симпатичны». Так начались наши с ним отношения, которые мы, конечно, не афишировали. Дружба с Концевенко, возможно, кому-то из нас спасла жизнь. Может быть, и мне.

* * *

Мы понимали, что стоим поперек горла у властей и что они способны пойти на крайние меры. Провокации со стороны азербайджанских спецслужб участились, и все лидеры движения стали постоянно носить с собой оружие.

Я по-прежнему находился под защитой депутатского статуса, а в какой-то момент меня выбрали еще и в Президиум Верховного Совета Армении, в котором мне, правда, так ни разу и не довелось побывать, но решиться на мой официальный арест стало сложнее. Тем не менее из комендатуры продолжали регулярно приходить с повестками ко мне домой, а однажды военные даже явились к жене на работу, в санэпидстанцию, требуя немедленно признаться, где ее муж. Белла, обладающая прекрасной выдержкой, ответила им, наивно хлопая ресницами: «Ой, я сама хотела бы это знать! Несколько месяцев его не видела. Вы уж, пожалуйста, если его найдете, сообщите мне».

Концевенко меня тогда предупредил: «Роберт, будьте осторожны, к Поляничко приехала какая-то специальная группа, им поставлена задача физически уничтожить лидеров. Есть поименный список, кого должны убрать, есть разработанный план. Трупы собираются подкинуть на границу с Арменией, чтобы свалить убийство на армян – якобы те сами расправились со злостными националистами. Ты в этом списке первый». Предупреждение мы услышали, но продолжали вести свою обычную деятельность, только с усиленными мерами предосторожности. Я пересмотрел маршруты перемещений, чтобы нельзя было предугадать, где и в какой момент окажусь, просто изучив мои привычки. В моем дневном графике все осталось почти по-прежнему, лишь время от времени я менял место ночевки. Помню, пару месяцев подряд мы с Сержем Саргсяном ночевали в гараже у моего брата. Как-то раз я взял туда с собой старшего сына, Седрака, чтобы хоть немного побыть вместе.

Страха мы не испытывали. К опасности довольно быстро привыкаешь, к тому же сама ситуация казалась до примитивности простой: они охотятся на нас, мы на них – вот так все сложилось. Кроме того, мы понимали, что организовать покушение на нас в нашем родном городе – в городе, который мы же и контролировали и все население которого нас поддерживало, – для заезжей группы очень сложно. Думаю, они в конечном итоге просто на это не отважились.

* * *

Начальник УВД Владимир Ковалев, присланный из Москвы, был очень интересным и непростым человеком. На вид – невысокий, подтянутый, жилистый, спортивный. По характеру – энергичный и смелый: пока оргкомитет отсиживался за забором из колючей проволоки, Ковалев в одиночку ездил по городу за рулем своей «нивы», каждое утро устраивал пробежки на стадионе – в общем, всячески демонстрировал, что никого и ничего не боится. Говорили, что он прошел какую-то специальную подготовку во время своей службы в Афганистане.

Приехав в Степанакерт, он тут же с рвением включился в работу. Нам это добавило головной боли. Мы попытались наладить с ним отношения – для начала хотя бы договориться о встрече, но ничего не выходило: ни на какие контакты с нами он не шел категорически.

Пришлось менять тактику.

Однажды, когда Ковалев в очередной раз куда-то ехал, в хвост «нивы» пристроился грузовой уазик – небольшая машина с маленьким наглухо закрытым кузовом и дверцами сзади. Такие автомобили тогда часто встречались, поэтому ее появление никаких подозрений у Ковалева не вызвало. На мосту рядом со стадионом уазик резко обогнал «ниву». Ковалев, не сбавляя скорости, помчался за ним, не придавая значения тому, что уазик начал слегка притор-

маживать. Когда расстояние между машинами сократилось метров до 10–15, задние дверцы уазика внезапно распахнулись, и оттуда раздалась длинная автоматная очередь – весь магазин был выпущен в лобовое стекло «нивы», практически в упор. В такой ситуации человеку, сидящему за рулем, выжить абсолютно невозможно! Но Ковалев не просто выжил, его даже не зацепило – невероятный случай! Спасла его уникальная реакция, хладнокровие и, видимо, афганский опыт: увидев, что дверцы уазика открываются, он в ту же секунду соскользнул под приборный щиток и лег на педали – маленький и юркий, он ушел туда весь и свернулся клубком. Машина пролетела остаток моста и, съехав с него, свернула в кювет и там заглохла.

Буквально несколько дней спустя – не помню, через Концевенко или Кривопускова, – Ковалев сам попросил о встрече. Мы согласились.

Встречу назначили в пригороде Степанакерта в павильоне Хамза, и наш собеседник в очередной раз показал себя смелым человеком, приехав в одиночку в незнакомое для него место. Его встретили я и Серж Саргсян, пригласили пообедать. Особых разносолов у нас не было, но шашлыки и традиционная тутовка на столе стояли. К моему удивлению, Ковалев оказался здравомыслящим и порядочным человеком. Он прямо сказал: «Ребята, я вам не враг, меня прислали служить – я честно служу. Воевать с вами не собирался и не собираюсь – это ваша земля». По его рассказам стало понятно, что репрессивные меры против армян – не его инициатива и что Поляничко его особо не жалует как раз за те черты, которые вызывали симпатию у нас: принципиальность и твердость характера. В общем, вышел хороший и откровенный разговор. Тутовку, правда, Ковалев так и не попробовал – кажется, был непьющим. Прощаясь, мы искренне пожали друг другу руки и расстались почти на дружеской ноте.

После он не раз поможет нам. Именно благодаря ему нам несколько раз удастся вызволить некоторых своих самых ценных бойцов, схваченных спецназом. К сожалению, в ноябре 1991 года он погибнет в вертолетной катастрофе.

* * *

К тому моменту, создав вооруженные отряды, карабахцы уже продемонстрировали, что способны не только проводить митинги, но и подрывать мосты и коммуникации; карабахцы дали понять, что готовы не только просить о чем-то власть, но и бороться с ней, отстаивая свои права, свою свободу. Карабахцы показали, что могут наказывать своих врагов – что у них есть способы и воля делать это.

Эти действия привели к тому, что количество желающих быть нашими врагами буквально за несколько месяцев существенно уменьшилось, и выстраивать отношения с военными стало гораздо проще. Новые коменданты особого района шли с нами на контакт сразу по прибытии – правила игры они уже знали от предшественников. Они же снабжали нас специальными пропусками для свободного перемещения по области. Мы сами вписывали свои фамилии в пустые бланки с печатью и подписью комендантов.

Мотивация для сотрудничества с нами была простой: когда ты отвечаешь за личный состав в войсковой группе, тебе, конечно, хочется, чтобы не было никаких ЧП, чтобы все спокойно отслужили и вернулись домой. Самый надежный способ осуществить это – наладить взаимоотношения с теми, кто способен создать тебе головную боль. Надеюсь, что иметь с нами дело было к тому же и приятно: с некоторыми из военных у нас завязалась дружба, и мы продолжили общаться даже после их отъезда из Карабаха.

* * *

Хорошие отношения с представителями силовых ведомств, офицерами внутренних войск и службы безопасности позволяли нам отчасти смягчать последствия их деятельности.

Если кто-либо из наших оказывался арестован, мы могли с их помощью добиться перевода пленника в больницу – а оттуда ночью «эвакуировали». Часто нашим товарищам после ареста действительно требовалась медицинская помощь: многие оказывались жестоко избитыми, но получить разрешение генерала Сафонова⁵¹ (о нем я еще расскажу) на их госпитализацию было нелегко. Особенно когда Сафонов понял, что, какую усиленную охрану ни приставляй к этим пленным, наутро палата все равно окажется пустой. И никаких свидетелей, никто ничего не видел, в палату никто не входил, из больницы никто не выходил...

Бывали и другие случаи, когда наших бойцов, схваченных ОМОНОм совместно со спецназом, вывозили в Баку, в печально знаменитую Баиловскую тюрьму. Тогда оставался единственный способ вызволить своих: обмен пленными. Для этого нужно было захватить кого-то важного, ради кого будут стараться.

Именно так мы вызволяли будущего командующего нашими войсками Самвела Бабаяна.

Самвела арестовали 1 июня 1991 года, когда он только что вернулся в Степанакерт из Гадрутского района, где собирал отряд для участия в освобождении села Хандзадзор. Конечно, это был наш провал: его схватили прямо в центре города, у нас под носом. Полгода Самвел провел по тюрьмам: сначала в Шушинской, затем в Баиловской в Баку. Вскоре после того, как его опять перевели в Шушу, в Степанакерт прибыл заместитель главного прокурора Азербайджана Шукюр Аббасов. Ничего личного мы против него не имели, работники прокуратуры отзывались о нем, как о хорошем человеке. Но нам требовался кто-то, представляющий собой определенную ценность, – это была единственная возможность обменять Самвела. Аббасов принадлежал к известной и влиятельной семье, так что шансы на обмен были высокими.

Водителем нашего прокурора Роберта Айрапетяна тогда работал молодой парень Ашот – участник подполья и друг Каро, брата Самвела. Ашот сообщил друзьям о приезде важной персоны, и буквально через час группа во главе с Каро ворвалась в здание прокуратуры, захватила Аббасова и, выйдя через внутренний дворик, вывезла его в горную деревню. Айрапетян, случайно оказавшийся во время этой операции рядом, тогда страшно перепугался – кажется, даже больше, чем сам пленник.

Переговоры об обмене шли около двух месяцев. Самвел уже тогда играл важную роль в формировании и управлении нашими вооруженными отрядами, так что переговоры через военных вел я сам. Мы предоставили для обмена целый список арестованных армян, чтобы не выдать, насколько важен для нас один из них. Наконец договорились и назначили дату.

Обмен пленными обычно происходил при посредничестве военных на кладбище на границе с Агдамом. Так было и в этот раз. Когда мы приехали туда на уазике, уже смеркалось. Два бэтэра – по одному с каждой стороны – ждали нас в условленном месте. Между ними было метров сто. Я забрался на один из них, бронемашины двинулись навстречу друг другу и, сблизившись, остановились.

Из второго бэтэра военные с трудом, как пробку из бутылки, вытянули какого-то полного мужчину, как потом оказалось, родного брата пленного прокурора. Человек грузный, да еще в бронежилете, видимо, застрял в узком люке. Они все вместе подошли к нам, заглянули в машину, чтобы удостовериться, что мы привезли именно того, кого обещали, и вдруг начали возмущаться:

– Вы что ж, хотите за одного нашего прокурора 10 своих получить?

Я пошутил:

– Так вы гляньте, какой он упитанный! – друзья Самвела неплохо кормили Аббасова в деревне. – В нем же килограммов сто пятьдесят живого веса! А наши вон, все тощие и измученные...

---

⁵¹ Сафонов, Владислав Николаевич – советский военный деятель, генерал-майор, военный комендант Нагорно-Карабахской автономной области в 1988–1990 годах.

– Ладно, – говорят. – Забирайте своих.

– Постойте, – отвечаю, – я же тоже должен убедиться, что вы кого нужно привезли. Залезаю на их бэтээр, смотрю сверху через люк. Кругом темнота, лампочка внутри машины тусклая – почти ничего не видно. Свечу в лица фонариком, всматриваюсь – не вижу Самвела! Говорю:

– Э, погодите, тут не все!

И вдруг слышу, как один из пленных мне шепчет:

– Да все в порядке, это я, я здесь!

Смотрю – действительно Самвел. Не сразу его узнал: за полгода в плену он сильно изменился – похудел, да и потрепали его изрядно. Но держался при этом хорошо, молодец.

Самвелу и нам повезло: арестовавшие его просто не поняли, кто был у них в руках, – иначе мы вряд ли когда-нибудь его увидели бы.

* * *

Благодаря нашим контактам с главами силовых ведомств стычек с военными стало гораздо меньше. Когда нас предупреждали о намеченных облавах, это было хорошо для обеих сторон: мы успевали вовремя вывести своих людей из опасной зоны, а значит, не приходилось потом проводить операции по их вызволению – они выполняли свою задачу, не вызывая нареканий начальства.

Конечно, конструктивные отношения удавалось выстроить не всегда и не со всеми. Были и такие, кто враждовал с нами невероятно усердно. Уверен, что это усердие опиралось на щедрую материальную подпитку – деньги и подарки. Страна разваливалась, все в дефиците, будущее в непроглядном тумане – в таких условиях моральной стойкости хватало не всем. Конкурировать с Азербайджаном, перекупая военных, мы не могли – таких денег у нас просто не водилось. В наших силах было лишь наглядно показать закон физики: всякое действие рождает противодействие – рвение, направленное против нас, будет наказано и в попытке заработать деньги можно потерять гораздо больше. Где-то я вычитал такую фразу: «Пуля оставляет в голове глубокий след, даже если попадает в задницу».

Самым ненавистным человеком в Карабахе после Поляничко был генерал Сафонов. Его не выносили все, в том числе остальные коменданты. Люди военные в выражениях не стеснялись – самыми мягкими эпитетами в адрес Сафонова служили «сволочь» и «продажная скотина». Он каким-то чудом уехал из Карабаха живым. Не знаю, как у него сложилась жизнь дальше и как он договаривается со своей совестью после всего, что совершил. Впрочем, у таких, как он, совесть молчаливая. К счастью, похожих на Сафонова среди военных было немного.

Когда Сафонов, отслужив свой срок, уехал, его заменил Косолапов, комендант, о котором моя память не сохранила ничего, кроме фамилии. А вот генерала Жинкина, который появился у нас после Косолапова, помню очень хорошо. Жинкин оказался человеком интересным, обязательным, из тех, кто сразу к себе располагает. У нас с ним выстроились добрые и доверительные отношения. Жинкин приходил в ужас от того, что творилось вокруг. К Поляничко он относился крайне негативно, называя его в частных беседах «абсолютно безнравственным и аморальным типом», и, насколько было в его власти, игнорировал приказы оргкомитета.

* * *

Как-то меня спросили, доводилось ли мне видеть Поляничко. Я пошутил: «Ни разу не видел, даже в оптический прицел». Руководитель оргкомитета всегда находился в здании с

зашторенными окнами. Охота за ним велась долго, он пережил несколько покушений, но каждый раз что-то шло не так.

Третья попытка была самой дерзкой. В кабинете Поляничко на третьем этаже здания обкома партии собралось совещание, посвященное операции «Кольцо»⁵². Операцию как раз только что приостановили, и планировалось обсудить дальнейшие действия. К Поляничко съехались все ответственные за ее проведение – кабинет был полон руководителей силовых ведомств.

Колючая проволока по периметру территории, усиленная охрана спецназом – собравшиеся чувствовали себя в полной безопасности. Сидели, неторопливо и расслабленно обсуждали... И вдруг в самый разгар совещания раздался грохот, и, вдребезги размолотив оконное стекло, в комнату влетел снаряд и разорвался прямо над головой у Поляничко! Шарахнуло сильно. Посыпалась штукатурка, пыль, комнату заволочло дымом. Все, кто был в кабинете, оглохли, многих контузило.

Благодаря точному расчету выстрел из гранатомета был сделан буквально под носом у охраны – метрах в пятнадцати от блокпоста. Стрелявшему – его звали Карен – сыграл на руку рельеф местности: здание обкома стоит на возвышении, а он расположился в низине. Крутой склон перед зданием закрывал его от солдат на блокпосту, и он оставался незамеченным до самого выстрела. А вот выбор оружия и боеприпасов в Карабахе был невелик, так что стреляли из РПГ тем, что имелось в наличии, – кумулятивным снарядом. Такой снаряд эффективен против бронетехники – мощная струя прошивает броню, но осколков он дает мало. Участникам совещания повезло: пробило дырку в потолке прямо над креслом Поляничко, а оставшиеся от снаряда куски разлетелись в разные стороны, никого не задев. Однако напугались все очень серьезно: а вдруг сейчас еще раз рванет?! Никто не понимал, что творится. Люди ползком выбирались из кабинета в приемную, ничего не видя в дыму и в пыли.

Солдаты высыпали с блокпоста в полной растерянности: «Что произошло?! Кто стрелял?! Откуда?!» К этому моменту Карен – парень спортивный – уже сбежал вниз, где его ждала машина. Гнаться за ним никто не стал: советские солдаты не больно-то рвались рисковать своими головами на чужой войне.

Двое из участников этого совещания – Концевенко и Ковалев – позже в лицах рассказали мне, как все это выглядело внутри. Описывали с юмором, посмеивались, так что если обида на нас поначалу и возникла, то быстро прошла.

От нас Поляничко ушел, но своим чрезмерным усердием в сочетании с полной безответственностью он быстро наживал врагов везде. Позже, уже на Северном Кавказе, куда он отправился после Карабаха с подобной же миссией, его все же достали местные.

Кстати, не так давно, читая одну книгу о событиях тех лет, я наткнулся на выдержки из отчетов о проделанной работе, которые Поляничко направлял в Баку. Из этих материалов я с изумлением узнал, что в одном из своих донесений он гордо рапортует о нашей готовности пойти на уступки – якобы такое решение мы приняли на заседании Областного совета народных депутатов. Это чистейшая ложь: такого решения не было и быть не могло. Видимо, сидя в полнейшей изоляции за колючей проволокой, глава «оргкомитета» попросту врал, демонстрируя руководству, что активно работает и даже добивается каких-то результатов.

---

⁵² **Операция «Кольцо»** – операция ВС СССР, по сути – этническая чистка, включавшая комплекс мероприятий по силовому разрешению карабахского конфликта, предпринятая советским руководством в 1991 году. В результате эта операция превратилась в агрессию и депортацию ряда армянских гражданских поселений Северного Карабаха и НКАО.

Операция «Кольцо»

Эта беспрецедентная в советской истории операция началась в конце апреля 1991 года. По сути это была насильственная депортация армянского населения с территории Карабаха, которую осуществлял азербайджанский ОМОН под прикрытием советских войск и с использованием советской техники. Азербайджан решил, что таким образом «армянский вопрос» можно решить кардинально – одним махом, раз и навсегда. Судя по дальнейшим событиям, по их масштабу и способу реализации, операция проводилась с согласия Москвы, которая окончательно утратила способность защищать армянские анклавы в Азербайджане. Официально, конечно же, о депортации речи не шло: в плане, который Муталибов⁵³ представил союзному центру, говорилось о «масштабной операции в целях изъятия у армянского населения НКАО и прилегающих к ней районов незаконно хранимого оружия». Но 27 апреля, выступая по азербайджанскому телевидению, он призывал «немедленно решить проблему армянского населения Азербайджана» и говорил, что если Москва окажется на это неспособна, то «у республики хватит своих сил и средств».

Началась операция с Северного Карабаха. Первыми пострадали села Геташен и Мартунашен. Нападавшие действовали по такой схеме: сначала из сел выводили внутренние войска, которые могли бы помешать карательным действиям, а потом село атаковал азербайджанский ОМОН. Одновременно с проведением боевых рейдов в намеченных к депортации населенных пунктах отключали электроснабжение и телефонную связь, чтобы жить там стало физически невозможно. Атака на Геташен была отбита местным отрядом самообороны – и тогда в ход пошла артиллерия: село подверглось массированному артиллерийскому обстрелу. Войска, которые вошли туда на следующий день, занялись депортацией уже безо всяких препятствий. Людей хватали, не позволяя взять с собой ничего – даже одежду, заталкивали в автобусы и просто отвозили на границу с Арменией, где их никто не ждал. С молодыми мужчинами поступали по-другому: в каждом из них видели потенциального боевика, поэтому их арестовывали и помещали в тюрьмы.

Так были зачищены несколько сел в Северном Карабахе – Манаши, Теркеч, Бузлук, юг Гадрутского района. В общей сложности депортации подверглось население двадцати шести армянских населенных пунктов, которые потом полностью разграбили мародеры из ближайших азербайджанских сел. 10 000 армян лишились крова, более шестисот мужчин оказались в заложниках, более ста человек погибли в ходе операции. Я думаю, что если бы Советский Союз не распался, то – кто знает? – может быть, им удалось бы шаг за шагом осуществить свой план до конца.

Мы пытались воспрепятствовать депортации на юге Гадрутского района, но тщетно. Вступать в прямое противостояние с войсками мы тогда были еще не готовы. В Северном Карабахе вся нагрузка легла на отряды Шаумяновского района, но силы оказались слишком неравными. Войсковые подразделения, дислоцированные в НКАО, в операции «Кольцо» задействованы не были, так что и наши контакты с военными никак не помогли.

Армяне повсеместно пытались привлечь максимальное внимание общественности к происходящим событиям. Зорий Балаян писал о геноциде, творящемся в Карабахе, в каждом номере «Литературной газеты». Все наши друзья-журналисты поддерживали нас, публикуя материалы об этих событиях. Народные депутаты – особенно демократическое крыло – стара-

---

⁵³ Муталибов, Аяз Ниязи оглы (род. в 1953 г.) – советский и азербайджанский политический и государственный деятель. Председатель Совета министров Азербайджанской ССР (1989–1990 годы), первый секретарь ЦК Компартии Азербайджанской ССР (1990–1991 годы), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991 годы). Первый президент независимого Азербайджана (1990–1992 годы).

лись оказать какое-то воздействие по своим каналам. Российская интеллигенция – писатели, журналисты, ученые, экономисты, которых объединило стремление нам помочь, создали в Москве Комитет российской интеллигенции «Карабах» – КРИК. Своей главной задачей КРИК называл прорыв информационной блокады вокруг Арцаха.

В середине мая в самом центре Москвы, на Манежной площади, Комитет «Карабах» провел митинг протеста против нарушения прав армян в республике. В конечном итоге поднялся довольно большой шум, подключилась западная пресса, международные организации – и операция была приостановлена. Думаю, что в Баку взяли паузу, пытаясь подобрать этому беспределу хоть сколько-нибудь убедительное оправдание. А может, просто решили согласованную с Москвой задачу по депортации армян по периметру НКАО – и на этом остановились.

Глава 8

Между эйфорией и отчаянием

Посредники

Вторая половина 1991 года оказалась богатой на драматические события, изменившие ход истории и создавшие новую геополитическую ситуацию на постсоветском пространстве. Центральная власть, даже сильно ослабевшая, все же служила сдерживающим фактором. Ее окончательное падение привело к полной политической бесхозности на Южном Кавказе и разворачиванию полномасштабных войн. Случившийся в Москве 19–21 августа путч мы восприняли с большим опасением, понимая, что его успех обернется массовыми репрессиями: другим способом вернуть страну в прежнее состояние уже не удастся. Для нас это означало новую волну давления и возобновление депортации армян.

Оргкомитет Поляничко сразу же выступил с заявлением в поддержку ГКЧП. Путчисты считали Карабах фактором, раскачивающим страну, а нас – экстремистами-националистами, которых следует поскорее запереть в тюрьме. Центральной темой для всех в Карабахе стали события в Москве, и мы напряженно следили за их развитием, понимая, что сейчас определяется и наше будущее. Мы жарко обсуждали действия путчистов, особенно фокусируясь на их очевидной неуверенности и нерешительности. Дрожащие руки Янаева не внушали ни страха, ни уважения, и все же... Мы вздохнули с облегчением, когда путч провалился, но понимали, что центробежные силы теперь возрастут и мы окажемся в совершенно новой ситуации.

Начался парад суверенитетов. 30 августа принял решение о своем выходе из состава СССР Азербайджан, после чего возникла интереснейшая ситуация! Дело в том, что Азербайджан объявил не просто о своей независимости, но о «восстановлении азербайджанской государственности 1918–1920 годов». А в те годы Карабах вовсе не входил в его состав! Получилось, что де-юре мы оказались вне этого нового, независимого Азербайджана. Решение о выходе из СССР принималось главным законодательным органом республики, без предшествующего референдума. Никаких переговоров или консультаций с НКАО, конечно, не вели.

Тут же возникал вопрос: а мы? Советская Конституция оговаривала право выхода союзной республики из СССР, и порядок выхода определялся законом, принятым в апреле 1990-го. В нем ясно указывалось, что в таком случае за автономными образованиями сохраняется не только право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в СССР, но и право ставить вопрос о своем государственно-правовом статусе! Даже для компактно проживающих национальных групп результаты референдума должны учитываться отдельно! Требовалось действовать быстро, чтобы не упустить время, пока еще была возможность опираться на Конституцию и законы СССР, и мы не медлили.

2 сентября, через два дня после решения Азербайджана, на абсолютно законных основаниях, в соответствии с Конституцией и законами СССР, на совместном заседании Областного совета НКАО и Шаумяновского районного совета мы объявили о создании Нагорно-Карабахской Республики.

Решение о присоединении к Армянской ССР от 1 декабря 1990 года теряло актуальность. Очевидно, что в случае развала страны правовой основой нашей независимости становилась реализация права на самоопределение. Над декларацией работал я вместе с Кареном Бабуряном⁵⁴. Консультировались с юристами из Института философии и права Армении. Получился

---

⁵⁴ Бабурян, Карен Зармайрович (1954–2011) – армянский государственный и политический деятель, активный участ-

очень добротный политико-правовой документ, прошедший испытание временем и ставший основой образования НКР.

Мы создали Республику, но в стремительно меняющейся ситуации сознательно оставили в декларации открытым вопрос выхода или пребывания в СССР. Произошедшее означало, что фактически в процессе распада Советского Союза на территории бывшей Азербайджанской ССР появились два государственных образования: Республика Азербайджан и НКР. Председателем исполкома НКР избрали Леонарда Петросяна.

Вскоре, 21 сентября, в Армении прошел референдум о независимости. При почти сто-процентной явке независимость выбрали 99 процентов участников голосования.

* * *

Это было время, когда Советский Союз вроде бы еще существовал, но глава Российской Федерации Ельцин, бросивший вызов и победивший ГКЧП, стремительно набирал силу: его влияние выходило за рамки Российской Федерации и уже затрагивало многие агонизирующие союзные органы.

Решение Ельцина выступить посредником в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта стало одним из проявлений зарождающейся новой геополитической реальности. Представители Ельцина и Назарбаева приехали в Степанакерт на пару дней раньше готовить визит. Сами же президенты прибыли 22 сентября 1991 года. На президентском самолете их доставили из Баку в Кировабад, а уже оттуда – военным вертолетом в Степанакерт. С нашей стороны гостей встречали Леонард Петросян, Олег Есаян и Зорий Балаян, тогда народный депутат СССР. Я в это время находился в здании исполкома. С улицы доносился шум голосов: вся площадь перед зданием настолько плотно заполнилась людьми, что казалось, будто там собрался весь город.

Настроение у всех было торжественное и почти праздничное – с визитом Ельцина многие связывали надежды на перемены к лучшему. Площадь окружали военные, но напряжения, которое обычно возникало в таких ситуациях, не чувствовалось. Люди стояли спокойно, никаких лозунгов не выкрикивали, просто переговаривались между собой. Многие держали в руках транспаранты с приветствиями в адрес Ельцина и Назарбаева.

Как оказалось, вместе с президентами России и Казахстана прилетел и Муталибов. Появившаяся передовая группа готовящих визит президентов лиц прямо с порога заявила, что во встрече должен участвовать и президент Азербайджана. Мы отказались наотрез. Они попытались выдвинуть условие: не примете Муталибова – не состоится встреча с Ельциным, но мы стояли твердо: нет так нет. Муталибова мы не звали, пусть идет через дорогу общаться с Поляничко. Тогда они потребовали снять со здания исполкома государственный флаг Армении. Говорят Олегу Есаяну: «Прикажи, пусть снимут флаг!» Олег ответил: «Если я прикажу, они все флаги снимут, а флаг Армении оставят. Не трогайте. Пусть висит».

Наконец, в сопровождении группы «Альфа» прибыли президенты. Народ на площади очень тепло приветствовал Ельцина, и он, явно не ожидая такого приема, расчувствовался. Они с Назарбаевым вошли в здание исполкома, а Муталибову ничего не оставалось, как отправиться в Оргкомитет. С нашей стороны во встрече с Ельциным и Назарбаевым участвовали Леонард Петросян, Олег Есаян, Зорий Балаян и я, а состоялась она в кабинете председателя исполкома. Конечно, накрыли небольшой стол с нашей традиционной тутовкой и закусками.

ник Карабахского движения, спикер парламента НКР (1993–1996 годы). В статусе руководителя делегации Нагорно-Карабахской Республики принимал участие в работе межпарламентской ассамблеи СНГ в Бишкеке (май 1994 года), подписал Бишкекский протокол.

Для нас самой главной, жизненно важной задачей было предотвратить малейшую возможность использования советских войск против Карабаха. Страна – в подвешенном состоянии: Советский Союз то ли еще есть, то ли его уже нет, и поэтому совершенно непонятно, что будет происходить с союзными войсками в самом ближайшем будущем, – мы стремились максимально обезопасить себя. Обрисовали Ельцину текущую ситуацию: детально, с фактами и цифрами. Рассказали и продемонстрировали на конкретных примерах, что советские войска в Карабахе служат карательным инструментом в руках Азербайджана, рассказали и о том терроре, который обрушился на армянских жителей. Попытались объяснить, что мы вынуждены защищаться и, если ничего не изменить, ситуация выльется в серьезный вооруженный конфликт с огромными жертвами с обеих сторон.

Ельцин слушал нас очень внимательно, разговор мы вели прямо и откровенно, и мне показалось, что Борис Николаевич искренне сочувствует происходящему и готов нас поддержать. В какой-то момент он позвонил коменданту района – кажется, тогда эту должность занимал Косолапов, – и они несколько минут негромко, почти шепотом, что-то обсуждали между собой, но мы слышали, что Ельцин давал установку сотрудничать с нами.

Договорились, что дальнейшие переговоры будут продолжены на Северном Кавказе, в Железноводске, куда Ельцин с Назарбаевым собирались вылететь на следующий день. Мы предложили гостям тутовку, Ельцин охотно выпил рюмку, Назарбаев воздержался, и все перешли в зал заседаний. Там под председательством Олега Есяна состоялась встреча с депутатами и активом области, точнее, уже Республики – НКР.

Народ на площади все это время не расходился, ждал выхода Ельцина. Мы очень надеялись, что президент согласится выступить перед собравшимися, и на всякий случай приготовили для него импровизированную трибуну: грузовик с опущенными бортами, украшенный коврами и флагами. После встречи, когда мы вышли на улицу и Ельцин увидел, с какой надеждой к нему обращены тысячи глаз, он не смог отказать нам в просьбе и согласился принять участие в спонтанно вспыхнувшем митинге. Забираясь на трибуну, сказал Назарбаеву: «В Баку вот выступать не стали, а тут – давай поговорим с людьми!» И пошутил: хорошо, хоть грузовик, а не танк, как было недавно в Москве. Речь Ельцин произнес короткую, но очень эмоциональную, и я видел, что он по-настоящему тронут теплым приемом. Спустя столько лет, конечно, детали выступления уже стерлись из памяти, но я помню, что он начал со слов: «Мы с нашими братьями-армянами...» – и говорил о том, как он рад, что прилетел к нам и своими глазами увидел настроение людей в Карабахе. Обращаясь к военным, Ельцин призвал их относиться к «братьям-армянам поаккуратнее». После митинга оба президента вместе с Муталибовым и Поляничко уехали в Шушу, а затем, через Ереван, в Железноводск.

После этого визита мы почувствовали кардинальную перемену в отношении к нам со стороны командования военной комендатуры – его верхушки. Со средним звеном у нас и до этого контакт был хороший, а вот высшие чины относились к нам крайне сдержанно и с опаской. Спецназ же, который всегда держался особняком, подчинялся напрямую коменданту особого района, поэтому его отношение к нам зависело от личности действующего коменданта. При Сафонове оно было особенно плохим, и у нас постоянно происходили конфликты с военными, при других комендантах жилось чуть полегче. Теперь же все резко изменилось. Установка на смягчение режима из уст первого лица новой России сработала практически мгновенно.

Улетая, Ельцин и Назарбаев оставили своих представителей, по одному человеку от России и Казахстана, которым поручили следить за соблюдением законности в республике. Но что эти представители могли сделать в той ситуации? Угон скота, грабежи в деревнях, взятие заложников продолжались по-прежнему. Зато прекратились бесконечные операции по проверке паспортного режима, остановилась волна арестов, да и само общение с военным руководством стало другим – более открытым и доброжелательным. Позже, уже став президентом Армении, я напомнил Ельцину о его приезде в Карабах и рассказал, как минутная установка

коменданту радикально облегчила нам жизнь. Он признался, что не знал о такой реакции и очень рад об этом услышать.

* * *

На переговоры в Железноводск мы с Леонардом Петросяном добирались через Армению, вылетев туда сразу после митинга вертолетом, который за нами специально прислали из Еревана. Железноводская инициатива стала первой попыткой начать переговорный процесс и последней – остановить надвигающуюся войну. Кроме Ельцина и Назарбаева на встрече присутствовала делегация Армении во главе с Тер-Петросяном и делегация Азербайджана: Муталибов, председатель парламента Тамерлан Караев и Гасан Гасанов, министр иностранных дел. Караев произвел на меня впечатление спокойного и уравновешенного человека. Гасанов же вел себя истерично и агрессивно, и общаться с ним было крайне неприятно. Предполагалось, что переговоры завершатся совместным подписанием декларации, но азербайджанская сторона попыталась внести в документ неприемлемые для нас пункты, и мне пришлось выступить с категоричными возражениями. Во время перерыва у меня состоялся короткий и весьма эмоциональный диалог с Гасановым. Они с Караевым подошли ко мне и Леонарду, и Гасанов с вызовом сказал: «Соглашайтесь, пока не поздно! Подумайте о том, что вы будете делать и где окажетесь, когда русские уйдут?!»

Я довольно резко парировал: «Пока русские только вам и помогали! Подождем, пока они уйдут, а там и посмотрим, кто где окажется». Через пару лет, в Москве, на очередном раунде переговоров с участием Козырева, Алиева, Гукасяна и Тер-Петросяна я напомнил Гасанову этот разговор. К этому моменту мы уже одержали внушительную серию побед над азербайджанской армией и наши войска контролировали территорию, вдвое превосходящую площадь НКАО. Глава внешнеполитического ведомства Азербайджана тогда метал молнии в присущей ему экспрессивной манере, поминая «оккупированные территории». «Ну что ты нервничаешь, Гасан? – сказал я ему. – Видишь, чем все закончилось? Русские ушли и, как я тебя предупреждал в Железноводске, кто и где сегодня оказался?»

В Железноводске же тогда по итогам переговоров был подписан «план мирного урегулирования», так называемое и широко известное Железноводское коммюнике, своего рода декларация о намерениях сторон урегулировать конфликт. Но никакого практического смысла оно не имело, и можно сказать, что посредническая миссия Ельцина и Назарбаева закончилась безрезультатно. Уже через день после встречи в Железноводске начались массированные обстрелы Степанакерта. Азербайджан перешел к открытым боевым действиям против Карабаха.

Референдум

1991 год заканчивался на фоне агонии Советского Союза. Стороны активно готовились к войне, оружия и боеприпасов у всех становилось больше, интенсивность обстрелов и столкновений росла каждую неделю. Попытки комендатуры влиять на происходящее были малоэффективны и сводились скорее к регистрации инцидентов, чем к их предотвращению.

На расследование одного из таких случаев в Мартуни в конце ноября из Агдама отправили вертолет, в котором находились высокопоставленные азербайджанские чиновники, руководители силовых ведомств, депутаты, журналисты и наблюдатели из России и Казахстана. До места назначения вертолет не долетел, потерпев крушение в нескольких километрах от села Каракенд. Проводилось расследование катастрофы, выдвигались разные версии случившегося. Мы до сих пор уверены, что причиной стали плохие метеоусловия: из-за сильного тумана машина задела дерево хвостовым винтом, потеряла управление и рухнула. Азербай-

джанская сторона утверждала, что вертолет сбита ракета, выпущенная нашими вооруженными отрядами. Комиссия, которая вела расследование, так и не пришла к окончательному выводу. Я не буду спорить и доказывать нашу непричастность – скажу лишь, что в этом вертолете вместе с нашими врагами погибли и те, кого мы считали друзьями⁵⁵. И только по счастливой случайности в него не сел Леонард Петросян, который тоже собирался лететь в Мартуни с группой наблюдателей.

К этому моменту вопросы безопасности поглощали большую часть нашего времени и энергии. Но тем не менее мы должны были завершить процесс оформления официального статуса НКР и сделать все возможное для создания безупречных правовых основ нашей независимости. Для этого решение о создании Республики требовалось закрепить на всеобщем референдуме, а затем избрать республиканские органы власти и управления. Референдум прошел 10 декабря при поразительной активности населения: явка составила 82 процента – все армянское население Карабаха. Людей не испугал даже непрерывный артиллерийский обстрел Степанакерта и других населенных пунктов. За независимость проголосовали 98 процентов.

Вывод советских войск

Войска простояли у нас всю осень, а 366-й мотострелковый полк – до февраля 1992 года. Хотя Советский Союз уже перестал существовать, войска не могли уйти «в никуда», не имели права покинуть часть по собственному желанию. Военные подчиняются приказам, и они ждали приказа об эвакуации и распоряжения высшего руководства о выводе техники и вооружения – как и куда выводить. Но страна разваливалась, и в охватившем ее хаосе было непонятно, кто и когда может отдать такой приказ, а распоряжения, доходившие до военных, часто противоречили друг другу.

Поляничко вместе со своим Оргкомитетом сбежал еще до вывода внутренних войск, хотя с самого начала обстрелов Степанакерта он и так уже крайне редко появлялся в здании обкома партии. Видимо, почувствовал, что происходящее полностью вышло из-под контроля и ситуация становится опасной. Почувствовал верно: останься он чуть дольше, вряд ли вообще смог бы уехать. Я даже не знаю, когда именно он исчез. Судя по всему, бегство произошло ночью: несмотря на постоянное наблюдение, мы этой срочной эвакуации не видели. Просто в какой-то момент заметили, что вокруг здания прекратилось всякое движение: никто больше не ездит ни туда, ни оттуда, и стало понятно, что внутри пусто. Военные подразделения, охранявшие его, еще какое-то время оставались, а потом и они ушли. Очень скоро в подвале здания обкома расположился первый военный госпиталь в Карабахе.

Официальный вывод войск начался только в декабре 1991 года, после того как Верховные Советы бывших союзных республик повсеместно заявили о том, что все советское вооружение, находившееся на их территории к этому моменту, становится собственностью самоопределившейся республики. В Нагорном Карабахе располагались четыре военных подразделения: 366-й мотострелковый полк, традиционно стоявший у нас с 50-х годов – я помню его еще с детства; милицейский полк, дислоцированный уже во время конфликта, химбат – батальон химической защиты и погранотряд в Гадруте, обслуживавший советско-иранскую границу.

Первыми уехали комендатуры и внутренние войска. В отличие от военных 336-го мотострелкового полка, они не были обременены ни особым военным имуществом, ни тяжелым вооружением, ни семьями с домашним скарбом. Спецназ, дислоцированный в палаточном

---

⁵⁵ В списке погибших наши друзья: Жинкин Николай Владимирович – заместитель командующего Закавказским округом внутренних войск и военный комендант Нагорно-Карабахской автономной области; Ковалев Владимир Владимирович – генерал-майор, начальник Управления внутренних дел НКАО.

городке за чертой города, неподалеку от железнодорожной станции, тоже быстро собрался и незаметно исчез.

Азербайджан, который продолжал считать Нагорный Карабах своим, естественно, претендовал на вооружение расположенных у нас воинских частей. Мы же считали, что оно принадлежит нам. Кроме того, с уходом советских войск исчезал последний фактор, хоть как-то сдерживавший военную агрессию Азербайджана против Карабаха, и мы понимали, что стоим на пороге войны. В такой ситуации мы не могли упускать вооружение дислоцированных у нас подразделений, иначе оно досталось бы Азербайджану и ущерб оказался бы двойным.

Сначала наши отряды взяли под контроль милицейский полк. Там все прошло без инцидентов, очень мирно: мы просто зашли и забрали вооружение, не встретив никакого сопротивления. Оснащение полка оказалось неплохим, мы получили четыре машины БМД⁵⁶, которые нам оченьгодились в первые месяцы войны, около шестьсот единиц стрелкового оружия, автоматы, пулеметы и снайперские винтовки. Точные цифры уже стерлись из памяти, но зато я хорошо помню, как расстроился их командир: просил у нас справку, что вооружение мы у него приняли. Спрашиваю его:

– Зачем тебе справка?

– Да чтобы с прокуратурой проблем не было, а то вдруг под суд отдадут...

– Ладно, – говорю.

Сели с ним, составили список: столько-то автоматов, пулеметов, БМД. Написали, что он все это сдал местным властям, кто-то поставил свою подпись, спрашиваем: «Ну что, все? Тебе это поможет?» – «Поможет, надеюсь», – отвечает. Пожали друг другу руки, и он уехал.

С химбатом и погранотрядом тоже никаких проблем не возникло. Оставался 366-й мотострелковый полк, серьезное и самое крупное подразделение. Помимо стрелкового оружия, в полку насчитывалось около ста боевых машин пехоты, девять танков, полковая артиллерия, противотанковые средства, «Шилки»⁵⁷ и ПЗРК⁵⁸. С командиром полка, Юрой Зарвигоровым, меня связывали хорошие отношения. Абсолютно адекватный человек, он трезво оценивал происходящее и никогда не вмешивался ни в какие политические дела. Основной его заботой оставался личный состав, и Юра старался действовать так, чтобы с ним ничего не случилось. Помимо Юры, у нас было много друзей в полку: офицерами там служили и армяне. Например, Сейран Оганян⁵⁹, ставший впоследствии министром обороны Карабаха, а потом – Армении, в то время командовал батальоном. Еще один офицер, Мовсес Акопян⁶⁰, командир роты разведки, позже стал министром обороны НКР, а потом и начальником Генштаба ВС Армении. Благодаря им мы вовремя получили информацию о запланированном выводе подразделения. Мы понимали, что не можем отпустить это вооружение ни при каких обстоятельствах. Но нам не хотелось портить отношения с Россией, поэтому мы пытались обойтись без конфликтов.

Видимо, Азербайджан обратился за помощью к России, и в Карабах отправили подразделение российского спецназа с генералом, имени которого я уже не помню. От наших друзей из 366-го мотострелкового мы узнали, что его задача – вывести полк, отправив личный состав домой, а вооружение передать Азербайджану. Ничего отдавать Азербайджану мы не собирались. Это оружие уже принадлежало НКР и требовалось нам для собственной обороны.

---

⁵⁶ БМД – боевая машина десанта.

⁵⁷ «Шилка» – зенитная самоходная установка.

⁵⁸ ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс.

⁵⁹ **Оганян, Сейран Мушегович (род. в 1962 г.)** – армянский военный и государственный деятель, генерал-полковник. Активный участник карабахской войны, в 1993–1994 годах – начальник штаба Армии обороны НКР. В 1999–2007 годах – командующий Армией обороны НКР. В 2008–2016 годах – министр обороны РА.

⁶⁰ **Акопян, Мовсес Грантович (род. в 1965 г.)** – армянский военный деятель, генерал-полковник. Активный участник карабахской войны, был первым заместителем командующего Армией обороны НКР. В 2007–2016 годах – министр обороны НКР. Ныне начальник Генерального штаба ВС РА.

Первая же попытка спецназовцев вывести из части несколько БМП подтолкнула наши отряды к срочному захвату полка. К сожалению, при этом погиб один человек, но 366-й мотострелковый полк в тот же день полностью перешел под контроль сил самообороны республики. Несколько вывезенных спецназом БМП не успели отъехать далеко: их заблокировали у села Балуджа, куда военные пытались перебросить всю боевую технику для дальнейшего вывода из Карабаха. В итоге спецназовцы просто подожгли эти машины: если уж не получается их вывезти, лучше просто уничтожить. Ситуация могла обернуться большим кровопролитием, поскольку мы отступать от своих целей не собирались. Мы решили встретиться с приехавшей в Степанакерт группой высокопоставленных российских военных чинов во главе с генералом Грековым⁶¹ и попытаться договориться. На первую встречу, которую организовали дома у одного из наших ребят, поехали мы с Сержем Саргсяном.

Посидели, пообщались. Выпили, конечно. Мы дали понять, что вывезти технику они в любом случае не смогут, мы ее просто так не отпустим. Если они предпримут такую попытку – будем сражаться. Я спросил, готовы ли они, российские военные, воевать с нами ради сомнительной для них цели, по сути – ради укрепления боевой мощи Азербайджана? Ответ меня не удивил: воевать никто из них не стремился. Мы договорились, что они ограничатся тем, что уже сделали: десятком сожженных БМП, а что покажут на бумагах – не наше дело. Могут отчитаться, что всю технику уничтожили из-за невозможности вывоза из Карабаха. Так что в целом, по существу вопроса – о том, что все вооружение полка остается нам, – удалось договориться сразу. Позднее состоялась еще одна встреча, в которой я уже не участвовал, и переговоры с нашей стороны вел Серж Саргсян. На ней в деталях расписали всю последовательность взаимных действий.

Личный состав 366-го полка уехал – военных организованно вывезли на автобусах до Кировабада и оттуда уже самолетами отправили в Россию. А вооружение осталось – с него началось оснащение зарождающейся Армии обороны Нагорно-Карабахской Республики. Использовали мы и всю инфраструктуру воинских подразделений, доставшуюся нам по наследству, – склады, казармы: теперь там расположились наши бойцы. Несколько советских офицеров полка уезжать не захотели – в основном это были люди, у которых за годы, проведенные в Карабахе, сложилась крепкая дружба с нашими ребятами. Добровольно остались и некоторые сослуживцы Сейрана Оганяна и Мовсеса Акопяна. Нам в то время остро не хватало профессиональных военных, а эти люди искренне хотели помочь. Кто-то уехал через месяц-два, а некоторые задержались дольше и, даже когда уже началась полномасштабная война, участвовали в ней на нашей стороне.

Жизнь под обстрелами

Все это время продолжались обстрелы Степанакерта. Сначала они велись из противотанковых установок «Алазань». У обычной ракеты меняли головку – вытряхнув реагент для рассеивания облаков, заменяли его аммонитом: так изобретение, созданное для защиты полей и урожая, превращалось в орудие разрушения и убийства. Позднее, научившись на горьком опыте, мы тоже будем использовать «Алазани» в качестве артиллерийского оружия, но пока – пока оно было направлено против нас. Били по городу из Шуши и соседних с ней азербайджанских сел: благодаря своему расположению, поблизости от Степанакерта и выше него, они оказались идеальной огневой точкой, откуда беззащитный город был виден как на ладони. Прицельной дальностью это оружие не обладало, поэтому стреляли просто по всей площади.

---

⁶¹ Греков, Юрий Павлович (род. в 1943 г.) – советский и российский военный деятель, генерал-полковник. В 1989–1991 годах – первый заместитель командующего войсками Закавказского военного округа.

На смену «Алазаням» очень скоро пришла боевая артиллерия. Азербайджану повезло: на его территории располагалось множество советских воинских частей, три военных аэродрома и окружной склад боеприпасов ЗакВО. Военного добра там хранилось во много раз больше, чем в Армении, и все это сразу стало собственностью Азербайджана.

Из Баку через Лачин вооружение доставлялось в Шушу и в азербайджанские села, расположенные в горах над Степанакертом. Каждую новую поставку мы сразу ощущали на себе: слышали и видели по все более разрушительным последствиям обстрелов. Калибр орудий постоянно увеличивался. Вскоре на города и села НКР обрушили свой огонь «Грады», а в 1992 году к артиллерии добавились еще и авиационные налеты. В некоторые дни только на Степанакерт ложилось по триста-четыреста снарядов, и город был сильно разрушен.

Лишь после взятия Шуши Степанакерт стал недосыгаем для многих артиллерийских средств, и сразу уменьшилась интенсивность артобстрелов. Но полностью город избавился от них лишь к лету 1993 года, после успешного наступления наших войск на Агдамском направлении. Правда, тогда участились авиационные налеты с использованием как обычных, так и шариковых бомб.

Сейчас я хорошо представляю, что происходит в зонах вооруженных конфликтов: ситуация везде развивается по схожей логике. Нет особой разницы, где вспыхивает конфликт: на Украине ли, в Донецке или в Сирии. Мне понятно, как себя ведут и что чувствуют люди, долго живущие под обстрелами, в зонах боевых действий. Со стороны может показаться, что они находятся в атмосфере постоянного ужаса. Возможно, мои ощущения субъективны, но я уверен, что это не совсем так. Нарастание конфликта, напряженности, интенсивности обстрелов происходит не в один момент. Привычный жизненный уклад ухудшается постепенно, опасность становится частью повседневности, естественной средой. Люди живут с ощущением постоянной тревоги, но это уже не страх.

Так же развивалась ситуация и у нас.

Поначалу, когда нас обстреливали из «Алазаней» и в основном по ночам, город еще пытался вести обычную жизнь, взрослые по-прежнему ходили на работу, а дети – в школу. Правда, тех, кто пережил эти обстрелы, до сих пор передергивает при воспоминании о специфическом чмокающем звуке падающей и разрывающейся «Алазани» – «Тсчяк!». Потом появлялось более мощное оружие, увеличивались частота и интенсивность обстрелов, возрастала степень опасности, но люди приспособивались и к этому – перебирались в наименее опасные районы, уходили жить в подвалы.

Мы с детьми несколько лет прожили в подвале, как и многие семьи в Степанакерте. Мало кто смог вывезти своих родных в относительно безопасные села. Жители домов, где не было подвалов или которые оказались в самой простреливаемой зоне, перебирались к соседям, в более безопасные места. Наш небольшой, всего с четырьмя квартирами, двухэтажный дом стоял в относительно удачном месте. Хотя в него пару раз и попадали снаряды, серьезных разрушений они не нанесли. Владельцам каждой квартиры принадлежало отдельное помещение в подвале, и в нашем постоянно жили три-четыре семьи из соседних домов.

Для большей безопасности маленькие окна подвала изнутри обложили мешками с песком, которые защищали от осколков. Кроватей, конечно, на всех не хватало, на них спали дети. Остальные устраивались, как могли. Например, снятая дверь служила кроватью для моей жены, ее сестра спала на щите от теннисного стола – когда-то, в мирное время, мы играли на нем в пинг-понг. Женщины старались и в таких условиях создать уют: развесили на стенах ковры, а на Новый год даже наряжали елку. Ковры служили дополнительной теплоизоляцией: зимой у нас сыро, и стены становились ледяными от холода. Спали мы в одежде, мерзли, хоть и поставили в подвале жестяную печку. Электричества в городе уже не было, пользовались керосинкой. Так и жили все вместе года два. Впрочем, наша коммуна оказалась не самой мно-

гочисленной: в некоторых домах с просторными подвалами одновременно помещались и по пятнадцать-двадцать семей.

Человек ко всему привыкает и приспосабливается.

На время артиллерийских атак все прятались по подвалам, а как только наступала тишина, жизнь возвращалась. Люди выходили на улицы и как ни в чем не бывало принимались за дела: что-то ремонтировали, восстанавливали разрушенное, убирали мусор. В эти короткие промежутки женщины умудрялись, поднявшись из подвалов в дома, быстро испечь хлеб. Пекли, с опаской передвигаясь по квартире, торопясь закончить до нового обстрела.

У меня плохо получается выражать эмоции, почему-то я этого стесняюсь. Спросил жену, что она помнит о том времени, было ли ей страшно. Она рассказала: «Был, наверное, страх. Но не просто страх: вместе с ним была и уверенность в победе, уверенность, что мы должны пройти через это. Помню свой день рождения – 31 января 1992 года. Мы с сестрами сварили плов, я ждала подруг, и в это время начался сильнейший обстрел. Жуткий! Было очень страшно! Никто, конечно же, не пришел. Мы спустились в подвал, и вдруг я подумала: “Чего я боюсь? Ведь все когда-нибудь умрем...” И это помогло! Страшнее всего на самом деле сам страх, потому что он сковывает, парализует человека. На следующий день я поднялась и начала гладить белье, напевая как ни в чем не бывало. Мне казалось очень важным, чтобы все шло как раньше. Дети всегда ходили опрятными. Несмотря на нехватку воды, мы купали детей, потом в этой воде стирали белье и даже гладили его. Надо освободить себя вот в таких экстремальных ситуациях – освободить от страха. Но за детей, конечно, я боялась...»

Дети на войне очень быстро взрослеют. Мой десятилетний сын ходил под обстрелами за водой. Он приспособил для этого старую детскую коляску: снял с нее верх, поставил вместо него большой алюминиевый бидон, и получилось что-то вроде тачки, с которой он вполне справлялся. Изобретение не было новым – подобные кадры с детьми, везущими на колясках ведра и бидоны, все мы видели давным-давно в фильмах о Великой Отечественной войне. Иногда в то время, когда сын вместе с другими детьми шел за водой, внезапно начинала работать артиллерия из Шуши. Дети мгновенно ориентировались и очень быстро научились находить подходящие укрытия. Спрячутся, отсилятся, а потом, когда все утихнет, идут дальше.

Во время одного из особенно интенсивных обстрелов, 20 февраля 1992 года, осколком снаряда ранило мою жену. Стреляли из села Кесалар. Белла собиралась что-то взять из квартиры, вышла из подвала, и, пока она поднималась по лестнице, начался очередной обстрел. Снаряд разорвался во дворе, но через открытую дверь в подъезд влетел осколок, рикошетом отлетел от стены и попал в Беллу. В этот момент она стояла как раз напротив квартиры нашей соседки, и та втащила ее, раненую, к себе. Оказалось, ранение в бедро. Сквозное, серьезное. К счастью, кость не задело. Быстро отправили Беллу в госпиталь, сообщили мне по рации. Я примчался туда, когда ее как раз оперировали. Электричеством от маленького движка освещалась только комната, где шла операция, в остальной части подвала – бомбоубежища здания обкома партии, в котором тогда размещался госпиталь, – мерцал тусклый свет керосиновых ламп.

Через несколько дней, как только Белла немного пришла в себя, я ее отправил вместе с детьми к родственникам в деревню лечиться и восстанавливаться. Отправил на пару месяцев, несмотря на ее сопротивление, – в Степанакерте как раз начались особенно жестокие обстрелы, я почти не появлялся дома, а Белла нуждалась в уходе.

Все эти годы моя семья оставалась рядом со мной. Конечно, я мог бы перевезти своих близких в Армению, где они находились бы в безопасности. Такая возможность была у многих, ведь почти все имели в Армении родственников. Мы обсуждали эту тему в кругу лидеров движения. Некоторые говорили, что если семья в безопасности, то мужчина может всецело отдавать себя службе. Я же считал, что эвакуация семей подорвет у карабахцев веру в успех: раз руководители вывозят детей и родных, значит, они сами сомневаются в победе. В критических ситуациях, особенно на войне, доверие людей чрезвычайно важно, и мы не хотели его терять. К

тому же нет более сильной мотивации воевать до последнего, чем чувство, что ты защищаешь собственную семью с оружием в руках. Мы не принимали никакого специального решения, но между собой договорились не вывозить свои семьи.

Азербайджан воевал за территорию, на которой мы жили. Мы, карабахцы, ему были не нужны. Обстрелы населенных пунктов в глубине Карабаха должны были напугать нас и заставить навсегда покинуть нашу землю. Именно так мы воспринимали происходящее. Сегодня я могу признаться, что решение оставить своих детей, жену и мать в Карабахе в годы войны было самым трудным из всех, которое мне когда-либо приходилось принимать в жизни.

Выборы в парламент

В конце декабря 1991 года состоялись выборы в парламент НКР. Несмотря на то что они проводились на фоне разворачивающихся военных действий, под постоянными артиллерийскими обстрелами, многие пришли голосовать, и большинство депутатов выбрали в первом же туре. Азербайджанские районы, представителям которых предназначались десять мест из восьмидесяти одного, участвовать в выборах отказались. Конечно, парламентское правление в тот период было не самой удачной формой, но времени для обсуждений не осталось и мы просто скопировали модель, которая применялась в Армении. В стране шла реальная война, и мы не могли предугадать, насколько эффективным окажется такой подход. Раньше мы не имели дела с государственным управлением: занимались партийной работой, умели взаимодействовать с людьми, обладали организационными навыками – и все. Мы понимали, что стране срочно нужны собственные законные органы власти, но все наши представления о них основывались на прошлом, советском опыте.

В предвыборной деятельности я не участвовал – мне было не до выборов. Я занимался организацией обороны Мартунинского района и весь этот период безвылазно провел там. На встречи с избирателями не мог не то ездить, а даже вспомнить о них не успевал. Помню лишь, что подписывал бумагу о своем согласии баллотироваться, с которой ко мне кто-то приехал от имени жителей одного из районов Степанакерта. Но, несмотря на это, меня все же избрали депутатом. Мой конкурент – девушка, имени которой я уже не помню, – не набрала голосов. На первое заседание парламента я опоздал, примчавшись прямо из Мартуни, и даже не успел зайти домой переодеться, так и вошел в военной форме. В этот день выбирали председателя парламента, и как раз шло обсуждение. Атмосфера в зале мне показалась несколько напряженной, странной, но я не сразу понял почему. Сел, наблюдаю за происходящим, слушаю речи, звучащие с трибуны, разговоры в зале, и вдруг – по отдельным репликам, по реакциям, по выступлениям понимаю: ого, оказывается, в парламенте-то у нас большинство дашнаков!

Для меня это стало полнейшей неожиданностью.

* * *

Одна из самых старых армянских партий, созданная около ста лет назад, – «Дашнакцутюн» объявилась у нас в 1988 или 1989 году. В Карабах постоянно приезжали их эмиссары, создавали свои структуры, формировали ячейки: активно занимались партийным строительством. Для них этот процесс был очень важен, поскольку в советский период «Дашнакцутюн» действовала только за рубежом. Ее усилия в основном сконцентрировались на общинной работе, дашнаки успешно конкурировали с другими армянскими партиями за влияние на армянские общины и, как правило, доминировали. Многие десятилетия такого существования сформировали у «Дашнакцутюн» представление о себе как о некоей форме национальной власти, и доля истины в этом была. Дашнаки несомненно сыграли важную роль в сохранении

национальных устремлений и традиций в диаспоре. Теперь они нацелились на власть в независимой Армении, где начали активную деятельность, и частью их стратегии был Карабах.

Длительная работа за рубежом партии с революционной идеологией, причем в странах с очень разными моделями государственного устройства, от Ближнего Востока до США, придала определенную специфику как ее структуре, так и методам работы. Существовало два типа членства: открытый и скрытый партиец, практиковались секретные процедуры вступления в «Дашнакцутюн» с клятвой на оружии, сохранившиеся еще с начала XX века. В наше время старинные обычаи, подпитываемые революционной романтикой, казались нелепыми – в собственной стране, к тому же воюющей, – и постепенно они отмирали. Психологически для дашнаков 90-х годов значимость партийной структуры так и осталась первичной, а претензия на власть воспринималась ими как нечто естественное: кто, как не «Дашнакцутюн», старейшая армянская партия, возьмет на себя ответственность за будущее Армении?

Мы же никаких партий не создавали и не собирались этого делать. Я считал это в той ситуации абсолютно неприемлемым: надо было защищать Карабах, а не драться между собой за власть. К тому же все наше время уходило на решение вопросов безопасности. Безусловно, нам требовался парламент, но как собственный легитимный орган власти, а не как арена внутриполитической борьбы. Мы неоднократно обсуждали это между собой, и большинство из нас понимало, что после войны, конечно, будут создаваться партии, будет политическая конкуренция, но – не сейчас.

Как выяснилось, в «Дашнакцутюн» думали по-другому. Они активно занимались партийным строительством, создавая структуры во всех районах республики. В отличие от нас, они сделали своим приоритетом победу на выборах, а мы, как оказалось, выборы полностью упустили, хотя наше влияние в НКР было доминирующим. Дашнаки выставили кандидатов по большинству избирательных округов, не раскрывая их партийной принадлежности. Многих из них мы поддержали, не зная, что они скрытые дашнаки, и вообще не догадываясь о происхождении. Очевидно, что этот обман являлся частью предвыборной стратегии, и это нас сильно задело. История оставила в душе неприятный осадок, и, хотя мы и продолжали общаться с дашнаками, доверие к ним пропало, отношения стали формальными.

* * *

Когда начались выборы председателя Президиума Верховного Совета, кто-то попытался выдвинуть мою кандидатуру, но я отказался наотрез. Я и раньше не представлял себя в роли члена парламента; теперь же решил однозначно, что в такой атмосфере не хочу и не стану работать. Со своей стороны мы предложили Леонарда Петросяна, человека, имевшего большой управленческий опыт, но большинством голосов был избран Артур Мкртчян.

Артура я знал хорошо.

Хороший парень, позитивный, очень светлый, обаятельный, мягкий, интеллигентный. Личность сама по себе интересная, но, как мне представлялось, совершенно не подходящая на роль лидера, особенно сейчас, в военное время. Кандидат наук, историк, до войны Артур работал директором маленького музея в райцентре Гадрут, в котором было всего два сотрудника. Харизматичности, управленческого опыта и волевых качеств, необходимых для влияния на людей, ему явно не хватало. В должности председателя парламента ему пришлось нелегко. Не зная, как решать стоящие перед ним задачи, Артур часто спрашивал у меня совета, интересовался моим мнением о тех или иных вопросах. Человек умный, тонкий и чувствительный, он, конечно, ощущал себя неловко в сложившейся ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.